

Археология Волго-Окского региона

ГНМ ИСТОРИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

УДК 902/904
ББК 63.4
А 87

Редакторы: Н.А. Биркина, М.Ю. Биркин, Г.А. Камелина, А.А. Кадиева.
Верстка: Н.А. Биркина

А 87   Археология Волго-Окского региона: сборник тезисов к юбилею
И.В. Белоцерковской / ред.-сост. Н.А. Биркина. – Москва, 2020. 126 с., илл.

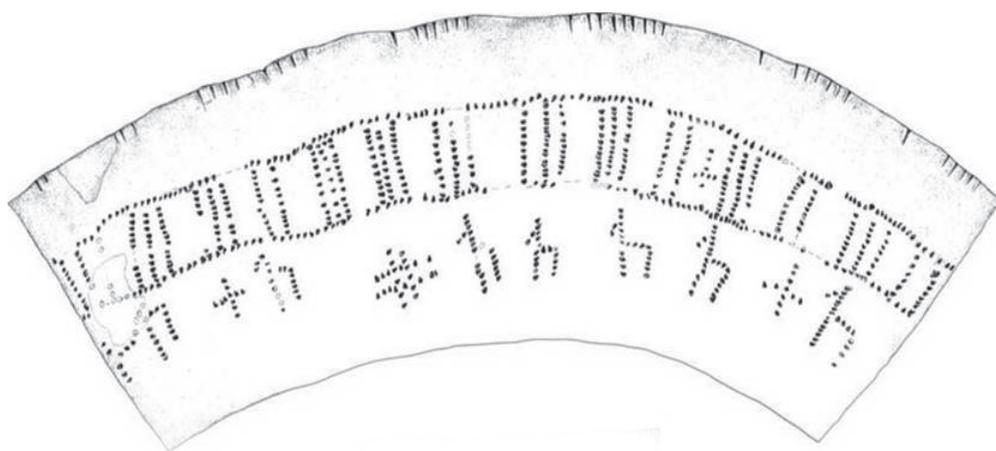
ISBN 978-5-89076-401-0

УДК 902/904
ББК 63.4

© Исторический музей, 2020

ISBN 978-5-89076-401-0

Археология Волго-Окского региона

к юбилею Ирины Васильевны Белоцерковской

Москва
2020

Содержание

Асташова Н.И.	6
Ахмедов И.Р.	8
Мошинский А.П.	12
<i>Список основных печатных работ И.В. Белоцерковской</i>	27

Тезисы докладов

Ахмедов И.Р. «Восточные» и прикамские ременные гарнитуры в Среднем Поочье в VII – начале VIII вв.	34
Биркина Н.А. Литье как основной способ создания украшений в культуре рязано-окских финнов (по материалам Кошибеевского могильника).....	43
Воронцов А.М. Территория Окско-Донского водораздела в позднеримское время и эпоху Великого переселения народов: новые данные.....	50
Гаврилов А.П., Конов В.Д. Новый могильник рязано-окских финнов.....	56
Грибов Н.Н., Иванова Н.В. Изменение женского убора населения Нижнего Поочья в V–VI вв. (по материалам Подвязьева могильника).....	64
Зеленцова О.В. О времени появления дисковидных блях с круглой крышечкой в могильниках мордвы и муромы.....	68
Колоколов А.М. Изучение памятников IX–XI вв. на территории Окско-Донского водораздела в 2008–2019 гг.: краткие итоги.....	75
Кренке Н.А. 200 лет «Проекту ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» З.Я. Доленга-Ходаковского.....	83

Обломский А.М. Лепная керамика окской традиции памятников верхневоронежской культурной группы.....	92
Румянцева О.С., Трифонов А.А. О составе эмалей Тезиковского и Абрамовского могильников.....	103
Сапрыкина И.А., Чугаев А. В., Пельгунова Л. А., Воронцов А.М. Источники серебра в VII в. по данным изотопного анализа (по методу Pb-Pb) предметов из клада с городища Картавцево.....	110
Столяров Е.В. Культурные процессы на территории Окско-Донского водораздела в первые века н.э.....	116
Сыроватко А.С. Долина р. Оки от Коломны до Серпухова в эпоху переселения народов: археология «ничейной земли».....	121
Список сокращений.....	125
Сведения об авторах.....	126

Н. И. Асташова

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ

Ирину Васильевну Белоцерковскую я помню с 1970 г., когда исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова переехал с улицы Герцена на проспект Вернадского (в просторечье первый ГУМ). В помещении тогдашнего музея кафедр археологии и этнографии громоздились ящики и коробки с материалами экспедиций разных лет. За столами обычно сидели студенты и аспиранты, штудирующие научные труды и разбирающие коллекции. Шум стоял в помещении постоянный. И единственный человек, который не отвлекался на него, была маленькая голубоглазая девочка с тяжелой русой косой, согнувшаяся над огромным ящиком с керамикой. Ирина писала свою курсовую, а затем и дипломную работы, посвященные керамике Супрутского городища.

Но после того как наша героиня сдала экзамены в аспирантуру, ее руководитель С.А. Изюмова сказала, что материала для диссертации Ирины нет. Я была свидетелем разговора Ирины с Д.А. Авдусиным и вполне оценила выдержку и самообладание Белоцерковской. Даниил Антонович предложил ей совершенно новую тему, связанную с этнической историей Смоленской земли в XI–XII вв.

В течение трех лет наша героиня сумела освоить эту тему со свойственной ей основательностью, написать и защитить диссертацию. Здесь в полной мере проявился характер, ум и завидная трудоспособность Ирины Васильевны.

В 1980 г. Ирина пришла работать в отдел археологических памятников Государственного исторического музея. Ей достались коллекции I тысячелетия н.э. лесной зоны Восточной Европы. Таким образом, она как бы вернулась к материалам своих первоначальных изысканий.

Почти сорок лет И.В. Белоцерковская отдала ГИМу, пережив все сложности музейного существования. В самые трудные для музея годы капитального ремонта она возглавляла отдел археологических памятников.

Во многом благодаря именно Ирине Васильевне удалось сохранить не только коллекции, но, что не менее важно, работоспособность коллектива. Да, нам пришлось каждый год перевозить фонд в разные помещения. Да, мы работали в помещениях практически без света и тепла, но при этом регулярно проводились заседания нашего Проблемного совета с докладами сотрудников отдела и приглашенных коллег, велась научная работа, и посетители из других учреждений бывали часто в отделе.

И.В. Белоцерковская проявила себя в этот сложный период нашей жизни великолепным организатором и разумным руководителем.

Ее заслугой является также сохранение экспедиций отдела. Сама Ирина Васильевна организовала и возглавила Рязанскую экспедицию, которая исследовала памятники рязано-окских финнов. Эта страница эпохи раннего железного века была крайне мало исследована. И.В. Белоцерковская впервые полностью раскопала один из крупных могильников у с. Кораблино в Рязанской области, что позволило найти ответы на основные вопросы существования этой культуры: хронология, связи и т.п.

Следует отметить еще один нюанс: музейные экспедиции ограничены по времени – не более 45 дней. Но необыкновенная работоспособность, доброе отношение к людям и хорошее чувство юмора позволило Ирине Васильевне так организовать работы в поле, что за короткий срок была полностью вскрыта площадь могильника, состоявшего из большого количества погребений.

Публикации И.В. Белоцерковской отличаются фундаментальностью, тщательной разработкой материала и обоснованными выводами.

Хочется пожелать Ирине Васильевне Белоцерковской долгих лет интересной жизни, новых публикаций статей и книг.

И.Р. Ахмедов

И.В. БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ

Иногда мне кажется, что предопределение существует: путь, который привел И.В. Белоцерковскую к древностям Поочья, не был случайным. Родители Ирины Васильевны были родом из Шиловского района, расположенного в самом сердце Рязанской области между Старой Рязанью и Касимовым. В детстве она провела много времени на их малой родине. И.В. занималась в археологическом кружке Московского дворца пионеров под руководством Р.Л. Розенфельдта, принимала участие в практиках кружка в Старо-Рязанской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством А.Л. Монгайта. Во время учебы на кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова И.В. участвовала в раскопках городища и селища Супруты в Тульском Поочье, по материалам которого была написана ее дипломная работа.

Обстоятельства сложились таким образом, что диссертацию И.В. писала по другой теме, однако поступление на работу в отдел археологических памятников ГИМ снова позволили вернуться к древностям Поочья. Принятые ей коллекции обширны и по территориям, и по хронологическому охвату. Особое место среди них занимают хрестоматийные памятники, такие как Андреевский курган, Кошибеевский, Борковской и Кузьминский могильники, имеющие ключевое значение для изучения древностей лесной зоны Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Однако общее состояние источниковой базы требовало новых материалов из памятников, которые были бы изучены на современном уровне. Поэтому в 1986 г., когда Б.А. Фоломеев предложил И.В. начать изучение вновь открытого могильника у с. Кораблино под Рязанью, она бесстрашно согласилась.

Для меня, тогда еще лаборанта отдела, только закончившего первый курс университета, было честью ее приглашение работать в составе экспедиции. Мы еще не знали, что его изучение займет ближайшие девять лет. Первый сезон был сложен: новые места, налаживание связей с местным населением, нехватка сотрудников и оборудования. Однако благодаря доброму отношению к экспедиции рязанских археологов и, в первую очередь, В.П. Челябинова, В.М. Буланкина, М.Ф. Третьякова, нашедших нам друзей и помощников среди членов клуба археологов им. В.А. Городцова и детского клуба «Горизонт» под предводительством В.Н. Прохорова, начало складываться удивительное сообщество друзей, существующее до сих пор. Среди участников экспедиции были и люди, связавшие в дальнейшем свою жизнь с археологией, например, главный хранитель отдела археологических памятников ГИМ К.Б. Фирсов и хранитель археологических коллекций в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике Ю.В. Лошина. Позже возникли и дружеские отношения с Шиловским районным краеведческим музеем, создатели которого А.Н. Гаврилов и А.П. Гаврилов участвовали в работах экспедиции на могильнике Заречье IV.

Удивительная сила воли и ответственное, скрупулезное отношение к работе И.В. были для всех важным примером, а экспедиционные вечера, пропитанные теплой, практически семейной атмосферой, и сейчас остаются одними из лучших воспоминаний. Именно благодаря этому экспедиция делала много сравнительно небольшими силами, даже в непростые 90-е. И.В. справлялась со всем огромным объемом работы: полевыми работами, написанием отчетов, руководством отделом, хранительской и научно-редакционной работой, созданием новой постоянной экспозиции музея (все это в условиях перманентного переезда и ремонта музея), успевая принимать активное участие в работе полевого комитета ИА РАН. Много раз И.В. выступала в роли внимательного, но доброжелательного оппонента на защитах диссертационных работ, посвященных изучению древностей раннего железного века и раннего Средневековья.

В результате работ Рязанской археологической экспедиции под руководством И.В. удалось значительно пополнить массив источников не только по археологии Рязанского Поочья в I тысячелетии н.э., но и получить новые сведения по другим периодам, в частности по эпохе поздней бронзы и Средневековья, как это случилось в процессе исследований в Кораблино. Общий массив погребальных комплексов, исследованных на могильнике Кораблино и затем на могильнике Заречье IV, составил более 500 погребений. А вместе с результатами работ возникшей позже на базе Рязанской экспедиции Рязано-Окской археологической экспедиции ГИМ под руководством автора превысило 800 захоронений. Это количество сопоставимо со всем объемом захоронений, исследованных на памятниках I тысячелетия н.э. в Рязанском Поочье с начала изучения древностей рязанских финнов в последние десятилетия XIX в.

В значительной, хотя еще и недостаточной мере, новые материалы были введены в научный оборот. Основным объектом исследований И.В. стало изучение всех категорий женского инвентаря и ансамблей женского костюма в целом. Особое внимание было также уделено выявлению инокультурных элементов в женском костюме рязанских финнов, отражающих взаимодействия местного населения с носителями культур Москворечья и Верхнего Поочья, что обусловило отличие облика рязано-окской культуры от родственных материалов древнемордовских групп на Теше, в Верхнем Примокшанье и Посурье. Важным было и изучение коллекций ГИМ, полученных при раскопках синхронных памятников на сопредельных территориях, в частности материалов Огубского городища в левобережье западной границы Среднего Поочья, исследованного В.А. Городцовым и Т.Н. Никольской. И.В. Белоцерковской был создан полный каталог коллекции, опубликованы и проанализированы как индивидуальные находки, так и керамический материал, показавшие сложность определения культурной принадлежности памятника, располагавшегося в зоне контактов москворецкого и верхнеокского населения.

К наиболее важным результатам разработки этих направлений относятся определение динамики развития отдельных категорий убора (накосные украшения нагрудные бляхи, сьюльгамы), а также создание новых классификационных и хронологических схем, что сделало возможным выделение ансамблей девичьего и женского костюма в их развитии. (Основные публикации в списке литературы). Промежуточным итогом исследований стал раздел по археологии рязанских финнов, опубликованный в коллективной монографии «Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.», вышедшей в серии Раннеславянский мир в 2007 г.

Опубликованные материалы широко используются исследователями, на их основе написано несколько дипломных работ, а также первое за всю историю изучения рязано-окских древностей диссертационное исследование О.С. Румянцевой, посвященное бусам. Находки из могильника Кораблино заняли достойное место в постоянной экспозиции ГИМ, а наиболее аттрактивные вещи из могильника Заречье экспонировались на выставках «Конь и всадник. Взгляд сквозь века» (ГИМ, 2003 г.) и «Эпоха Меровингов – Европа без границ. Археология и история V–VIII вв.» (Москва, Санкт-Петербург, 2007 г.), где органично вписались в общеевропейский культурно-исторический контекст.

Объективные обстоятельства пока не позволили И.В. полностью ввести в научный оборот весь массив новых материалов. Однако я уверен, что это обязательно будет.

Здоровья и сил, Ирина Васильевна, новых творческих успехов и свершений!

LABOR ET PATIENTIA OMNIA VINCUNT !!!

А.П.Мошинский

СОРОК ЛЕТ ВМЕСТЕ

В конце 1980 года в группу «Б» отдела археологических памятников ГИМ пришел новый сотрудник – Ирина Васильевна Белоцерковская. Произошло это после слияния трех археологических отделов

в один, но до преобразования группы «Б» (над названием которой не уставала язвить Нина Петровна Сорокина: «хоть мы и из группы б...») в соответствующий сектор. Старшим группы состоял бывший заведующий вторым археологическим отделом Давид Львович Талис, а лаборантом – Ваш покорный слуга. Я в это время уже писал диплом на кафедре археологии МГУ и собирался уходить в дипломный отпуск. Сидели мы в башне у сорокового зала, разделенной перекрытием на две части (окно было общее – «А из нашего окна площадь Красная видна!»). Наверху размещались дамы: Ирина Ивановна Гуцина и Наталья Алексеевна Богданова, а внизу некоторое время в гордом одиночестве трудился я. Когда освободилась ставка хранителя финно-угорского фонда, на нее взяли Иру (Ириной Васильевной ее стали называть значительно позже).

Итак, в один прекрасный день за письменным столом, за которым сидел я, появилась молодая симпатичная женщина. Стол был большой, двусторонний, почти квадратный, завезенный в музей на рубеже 19 и 20 веков со склада шведско-американской мебели. Сидели мы с Ирой, естественно, визави... Летом я получил диплом, а вместе с ним и кавказский

археологический фонд. Ира на своем конце стола разбиралась с финно-угорскими древностями, я на своем – с кавказскими. Вещи, которые мы раскладывали на столе, были, мягко говоря, разные. На столе они лежали рядом, но между ними были тысячи лет и тысячи километров. Однажды, правда, был смешной случай. Мы, каждый со своей стороны, выложили на стол бронзовые коробчатые бляшки, которые показались нам настолько одинаковыми, что и я, и Ира рефлекторно сгребли все свое к себе поближе – не дай Бог перепутать! Но случай, пожалуй, был единственный! Сходство этих бляшек мы не можем толком объяснить до сих пор...

Времена были докомпьютерные, все писалось и редактировалось на бумаге, постоянно что-то резали и подклеивали на ПВА. Счастливым обладателем кисточки для клея был я. Но мыли мы ее каждый вечер (чтобы сей ценный предмет не засох) по очереди. С ножницами было сложнее. Ножницы пропадали. Было такое ощущение, что кто-то их собирает и сдает в металлолом. Причем, это происходило во всем отделе, во всех его трех группах и многочисленных помещениях. Однажды мы с Давидом Львовичем (других мужчин в отделе не было) даже подарили на 8 марта каждой из наших дам ножницы. Все были счастливы, но ненадолго, вскоре ножницы опять стали убывать...

Дружеские отношения у нас с Ирой завязались как-то быстро и незаметно. Общались, делились проблемами, вместе бегали курить (увы, от этой вредной привычки так оба и не отучились). Когда было тепло, курили в Большом дворе, тогда еще не перекрытом. Сейчас – это Половецкий дворик с фонтаном. А тогда там парковались музейные машины. Из-под одной из них зимой и летом торчали ноги шофера Романыча, который, лежа на картонке, в любую погоду вечно что-то подкручивал. Летом отдел тканей проветривал там свои фонды. С протянутых через двор веревок свисали мундиры и бальные платья. Мы курили в этом антураже (естественно, в сторонке, не задымляя драгоценные наряды).

Дни рождения отмечались у нас в башне на ее втором этаже. Это обычно проходило тихо, «по-семейному». То, что называется «по чуть-чуть». Единственное исключение состоялось, когда я наконец-то получил диплом, меня перевели из лаборантов в младшие научные сотрудники, и все это совпало с моим днем рождения. Я, совершенно зачуханный после превратностей со сдачей госэкзамена по научному коммунизму, как-то не подумал, что «надо отметить». Но, сидя за своим столом, услышал сверху «театральный шепот» Ирины Ивановны и Натальи Алексеевны. Слышно нам было решительно все, поскольку перекрытие не доходило до окна, расстояние между устами наших дам и нашими ушами не превышало трех метров, и никаких препон для прохождения звука не было. Обычно к разговорам мы не прислушивались. Так, некий фон... Но тут я понял, что меня собираются поздравлять и даже уже купили подарок. Я быстренько добежал до ГУМа и купил 700-граммовую бутылку «Сибирской», прикинув, что по 100 грамм на нос будет в самый раз – в «группе» было семь человек. На закуску у меня денег не хватило, но у дам были какие-то бутерброды... Отметили все мои праздники, посидели, поговорили, и пошли мы с Ирой курить. То ли дамы выпили меньше, чем по сто грамм, и нам больше досталось, то ли просто было очень жарко, но спустившись во двор, мы почувствовали «легкое изумление». С великой осторожностью обойдя директора, который (естественно!) оказался практически рядом с нами, мы тихонько, как мыши, поднялись к себе в башню... Ничего особо криминального не произошло, но как-то запомнилось!

Большие праздники (например, Новый Год) отмечали всем отделом в помещении, где до сих пор работает сектор «А» (у них была самая большая комната). После всех тостов и закусок мы забивались в дальнюю комнату и пели. Ира пела замечательно (в отличие от меня у нее есть и слух, и голос). Память у нее – прекрасная, песен она знает много и пела их с охотой и удовольствием, задавая общий тон.

Жизнь, конечно, состоит не из одних праздников и перекуров. В основном, конечно, шла текучка: 2000 предметов – сверка, прочая всевозможная работа с фондами, обработка новых материалов, 66 экскурсий по экспозиции и 11 лекций в год... Лекции были выездными. Читали в самых неожиданных местах. На разных предприятиях и даже в совхозах. Как правило, в обеденный перерыв (рабочие закусывали, а мы вещали). Иногда и в рабочее время. Стоя посередине цеха, подняв очи горе... Научной работой занимались исключительно дома: в библиотечные дни (тогда они еще были) и в выходные...

В 1982 году наш «мирный труд» был прерван. Началась эпоха капитального ремонта ГИМ и связанного с ним переезда. Как водится, все началось с нашего отдела, а именно с нас с Ирой и нашего лаборанта Бори Мелешко. Мы паковали двадцать четвертую кладовую, где размещалась почти вся наша керамика. Кладовая была знаменита тем, что она текла, в особенности, во время таянья снега... Для сбора воды в ней стояли специально изготовленные жестяные корытца. Но вода капала не только в них, а и на стеллажи, и просто на пол. Соответственно: под ногами хлюпает, за шиворот капает. Упаковка (конечно!) пришлась именно на время оттепели. Кофры для перевозки керамики были сделаны неправильно, лотки приходилось пропиливать (для этого был нанят специально обученный молодой человек). Вся работа, таким образом, проходила под вой циркулярной пилы и песен Высоцкого, исторгаемых из магнитофона на полную мощность (чтобы пересилить пилу) при тусклом свете свисающей из-под потолка слабенькой лампочки. Запихивая лотки с керамикой в кофры, мы постоянно царапали себе руки и сажали занозы. Называлось это – «кофр укусил».

До самого верха высоких стеллажей Ире с ее небольшим ростом дотянуться со стремянки было невозможно. Но, ждате, когда мы с Борей снимем лотки, чтобы их можно было бы пропиливать и паковать, для нее

оказалось слишком долго... Она приспособилась взбираться со стремянки на стеллаж, карабкаться наверх по перекладинам и тем же путем спускаться вниз с очередным горшком в руках. В один «прекрасный» момент очередная перекладина оказалась прогнувшейся, и Ира с горшком в руках улетела вниз с почти трехметровой высоты. Мы с Борей прибежали на услышанный нами глухой удар, увидели ее, стоящую в оцепенении около стремянки (благополучно приземлилась на ноги), буквально выдрали у нее из рук горшок, убедились, что она цела, посоветовали ей «учиться летать» и пошли паковать дальше...

Из многочисленных «прелестей» переезда особенно запомнилась упаковка подвала Бианкур (раньше там хранилась коллекция отдела оружия, подаренная музеем известным коллекционером Бианкуром). Временно туда перетащили наши фонды, но пришло время вывезти их и оттуда. К этому моменту там уже понакопали траншей. В результате было безумно холодно и сыро. Мне было легче. Я паковал лотки и планшеты и бегал с ними по досточкам через траншеи к кофрам. А Ира, медленно замерзая, писала бесконечные упаковочные списки. Периодически мы, как «дети подземелья» выползали во двор покурить и погреться.

В 1986 году Ира организовала свою археологическую экспедицию. Работала она под Рязанью. Экспедиция была создана, то, что называется: «на пустом месте». Не было ни оборудования, ни снаряжения, ни коллектива. Все нужно было приобретать, организовывать, создавать. При этом надо помнить – какое было время. Разгар «перестройки». Время сплошного дефицита. Тут полностью проявились Ирины организационные способности. Оборудование и снаряжение в муках и очередях было приобретено (обеспечением экспедиций занимались мы сами – отдел снабжения в этом никак не участвовал), были добыты продукты (какими путями это делалось, описать в рамках маленькой статьи абсолютно невозможно), и был создан коллектив, в течение многих лет успешно работавший на благо отечественной науки.

В 1990 году мне случилось поучаствовать в работе этой экспедиции в селе Кораблино. Я приехал просто поработать в качестве рядового землекопа (своя экспедиция сорвалась – дорога в ущелье обвалилась, а лучше отдыха, чем работа «в поле» без всякой «начальнической» ответственности я не знаю). В результате я получил возможность еще раз понаблюдать за Ириным совершенно муравьиным трудолюбием – но не в «кабинетных», а в полевых условиях. На раскопе она участвовала во всех процессах (кроме снятия балласта): поиск могильных ям по пятну, поиск границ ям по плотности, зачистка особо сложных объектов, фотофиксация и чертежные работы... Это – в рабочее время. А в нерабочее – организация быта экспедиции. Соответственно, так же плотно работал и коллектив. Недоволен работой ребят иногда был только мой четырехлетний сын, который увозил отвал из зачистки погребений на своем пластмассовом тракторе с прицепом. Если ребята уставали сидеть, скрючившись в ямах, и устраивали перекур, он, когда его фронт работ исчерпывался, заявлял: «Сколько можно перекуривать! Давайте работать!»

Как человека активного Иру выбрали в музейный местком. И здесь ее активность (как всегда подлинная, а не показушная – иначе она просто не умеет) была заметна всем. Глядя на все это, я выступил в роли пророка местного значения. Как-то в курилке изрек: «Быть тебе нашим заведующим отделом!» Ира возмутилась: «Не говори ерунды!» Но на самом деле для этого предположения не надо было иметь семи пядей во лбу. В 1988 году ее таки назначили на эту должность. И в этом статусе она отпахала еще 18 лет...

Работы для заведомо всегда по определению хватало. За эти годы было все: и переезды, и создание экспозиции, и выставки, да мало ли еще чего. И суть даже не в том, что Ирина Васильевна вкалывала сама, как привыкла за всю свою жизнь. Суть в том, что работали все, и распоряжения Ирины Васильевны выполнялись как-то без напряжения. Вспомнить какой-нибудь конфликт просто не удается. Все имело какое-то разумное обоснование. Все

обсуждалось (если, конечно, хватало времени). Бывало, естественно, так, что поступало срочное распоряжение сверху, и было уже не до обсуждений...

Долгие годы после очередного переезда мы просидели в залах музея Ленина среди кофров с запакованными фондами. Пили чай на подиуме в углу зала (когда-то там была инсталляция «Детская Ленина»). Кстати, чтобы нам в этом зале поместиться, мы с Ирой рассчитали и расчертили пол, каждый кофр ставился на заранее уготованное ему место...

Экспозиция, построенная в 1997 году, обсуждалась по всем правилам экспозиционной науки. Для подготовки (в связи с полным отсутствием места) потребовалось немало организационных усилий. Но все опять-таки было сделано по науке – с предварительной раскладкой и монтажными листами. В результате при монтаже, на котором я, к сожалению, отсутствовал (не успел вернуться из экспедиции) все было сделано абсолютно четко (за исключением пришитых вверх ногами пары вещей, что почти всегда бывает в отсутствие хранителя и легко исправляется при его появлении).

В 2006 году Ирина Васильевна (к сожалению для всех нас) покинула пост заведующего отделом и переключилась практически полностью на работу фондовую. Как и все мы, она убивается на составлении Госкаталога. Помимо того, что она, безусловно, трудоголик, ей еще присуще качество, которое именуется модным сейчас словом «перфекционизм». Я сам, к сожалению, страдаю этим недугом. Но у Ирины Васильевны все запущено гораздо серьезнее. Все надо описать, измерить и т.д., и т.п. Написать акты несоответствия... В общем: «Мене, текел, фарес»... Труды библейского масштаба.

Когда мы делали реэкспозицию 5 зала (железный век), основная работа опять-таки была взята на себя Ириной Васильевной (я как автор зала – не в счет – «судьба такой»). В итоге, всего за месяц, все было сделано, включая целый цикл слайд-фильмов для интерактивной карты.

А ведь еще она и науку двигает. И довольно успешно. В свободное от работы время...

И так все сорок лет, которые мы вместе...

Учредитель С.Б.

Отдел археологических памятников ГИМ 1986 г.

Рязанская археологическая экспедиция ГИМ (РАЭ ГИМ). Рязанская область, с. Кораблино. Август 1992 г. Фото из архива К.Б. Фирсова

Верхний ряд слева направо: А. Коряк, В. Ковтун, Е. Глебовская, В. Михин, И. Ахмедов, К. Фирсов
Нижний ряд слева направо: А. Тимошина, Н. Тимошин, И. Белоцерковская

И.В. Белоцерковская за работой.
РАЭ ГИМ, 1989 г.

И.В. Белоцерковская и Д.М. Третьяков на раскопе.
РАЭ ГИМ, 1992 г.

Рязанская археологическая экспедиция ГИМ (РАЭ ГИМ).
Рязанская область, с. Заречье. Август 1999 г. Фото из архива К.Б. Фирсова

Поздравительная фотография сотрудников отдела археологических памятников ГИМ к юбилею В.Л. Егорова

Новый год в ГИМе, начало 1990-х гг.

**И.В. Белоцерковская за работой в отделе археологических памятников ГИМ,
сектор Б**

Празднование Нового года отделом археологических памятников ГИМ, 1990-е гг.

Праздник в отделе археологических памятников ГИМ, 1990-е гг.

Переезд отдела археологических памятников ГИМ.

Рязанская археологическая экспедиция ГИМ (РАЭ ГИМ).
Рязанская область, с. Заречье, 1999 г.

Рязанская археологическая экспедиция ГИМ (РАЭ ГИМ).

Рязанская область, с. Кораблино, 1992 г.

Слева направо: И. Ахмедов, И. Белоцерковская, А. и Н. Тимошины, В. Михин, Е. Глебовская, Д. Коробов,
Л. Садовникова, Д. Лошин

**И.В. Белоцерковская в отделе археологических памятников,
29 декабря 1997 г.**

Список основных печатных работ И.В. Белоцерковской

1975 год

К вопросу о полусферических курганах с труположением на территории Смоленской земли // Вестник Московского университета. Вып. V. М. 1975.

1976 год

Некоторые черты погребального обряда курганов Смоленской земли XI–XII вв. // Проблемы истории СССР. Вып. V. М., 1976.

Этнический состав населения Смоленской земли в XI–XII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.. 1976.

1980 год

О вятических древностях из Смоленска // СА, № 2. М., 1980. (в соавторстве с Н.В. Сапожниковым)

1981 год

Керамика некоторых поселений раннего железного века на Верхней Упе // СА, № 2. М., 1981.

1986 год

Некоторые черты погребального обряда смоленских курганов XI–XII вв. // Прибалтика и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Таллин, 1986.

1987 год

Буклет «Древности Прикамья». М., 1987. (в соавторстве с Н.В. Тухтиной)

1988 год

Огубское городище // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ. Вып. 68. М., 1988.

Каталог коллекций В.А. Городцова // Наследие В.А. Городцова и проблемы современной археологии. Тр. ГИМ. Вып. 68. М., 1988.

Керамика Огубского городища // СА, № 3. М., 1988.

Могильник у с. Кораблино // Научные чтения. Археология Рязанской земли: Тезисы докладов. Рязань, 1988.

1990 год

Гравированные изображения из Гляденовского костыща // Проблемы археологии Евразии. Тр. ГИМ. Вып. 74. М., 1990.

Могильник у с. Кораблино и его место в культуре рязано-окских могильников // Congressus septimus internationalis Fenno-Uaristarum. Debrecen, 1990.

1992 год

Исследование могильника Заречье 4 в 1991 г. // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1992. (в соавторстве с А. Н. Сорокиным)

1994 год

Культурная принадлежность Огубского городища // Древности Оки. Тр. ГИМ. Вып. 85. М., 1994.

К вопросу о начальной дате рязано-окских могильников // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России. Рязань, 1994. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

1996 год

О Кошебеевской культуре // РА, № 4. М., 1996. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

Предварительные итоги исследования могильника у с. Кораблино // Тезисы доклада: Отчетной сессии ГИМ по итогам полевых археологических исследований и новых поступлений в 1991–1995 гг. М., 1996. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

Вещевые комплексы могильника Заречье 4 // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

1997 год

Погребения с дарами из могильника Кораблино (по материалам раскопок 1986–1991 гг.) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. Вып. 93. М., 1997.

Маленький археологический этюд // Знание-сила. 1997. № 2.

1998 год

О начальной дате рязано-окских могильников // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 96. М., 1998 (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым).

Головной убор из могильника Кораблино // Историческая археология. Традиция и перспективы. М., 1998.

О месте фибул в рязано-окских могильниках: постановка вопроса // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

1999 год

Ажурные застежки из могильника Кораблино // Забелинские научные чтения. 1995–1996 гг. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999.

2000 год

Верхнеокские элементы в культуре рязано-окских могильников // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. Тр. ГИМ. Вып. 122. М., 2000.

2001 год

Затылочные кисти из Рязано-Окских могильников как элемент головного убора // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т.2. Самара, 2001.

2003 год

Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань, 2003.

2005 год

Уникальный сосуд из рязано-окского могильника Заречье // II Городцовские чтения. Тр. ГИМ. Вып. 145. М., 2005.

2007 год

К реконструкции исторических процессов. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М., 2007. (РСМ. Вып. 9). (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. (РСМ. Вып. 9).

2009 год

Работы археологических экспедиций ГИМ на Оке: некоторые итоги и перспективы изучения рязано-окских могильников III–VII вв. н.э. // Археологические открытия 1991-2004. Европейская Россия. М., 2009. (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым)

2010 год

Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны. Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Ч. 1. Тула, 2010.

Литые подвески к наконечникам из рязано-окских могильников // Материалы по истории и археологии России. Т. 1. Рязань, 2010.

2012 год

О предметах черняховской культуры в женском инвентаре рязано-окских могильников // Евразия в скифо-сарматское время. Тр. ГИМ. Вып. 191. М, 2012.

Об одном типе женского костюма окских финнов гуннского и постгуннского времени // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3. Тула, 2012.

Женский комплекс из могильника Кораблино // Образы времени. Из истории древнего искусства. Тр. ГИМ. Вып. 189. М., 2012.

Хранитель древностей – Светлана Вячеславовна Студзицкая // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии – от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск, 2012.

2014 год

Две фибулы-броши из рязано-окских могильников // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной. Тр. ГИМ. Вып. 198. М., 2014.

Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов. М., 2014. (РСМ. Вып.15).

Уникальное ожерелье из рязано-окского могильника // Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. Тр. ГИМ. Вып. 201. М., 2014.

Введение в археологические фонды Государственного исторического музея

// Государственный исторический музей и отечественная археология. К 100-летию отдела археологических памятников. Тр. ГИМ. Вып. 201. М., 2014.

2015 год

Застежки-сюльгамы из рязано-окских могильников Заречье и Кораблино: Опыт систематизации // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4, часть 1. Тула, 2015.

Опыт выделения индикаторов социальной стратификации в женском погребальном костюме рязано-окских финнов V в. Тезисы доклада // Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. Материалы международной научной конференции. Сухум, 2015.

2018 год

Описание клада // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.). М., 2018. (РСМ. Вып. 18). (в соавторстве с И.Р. Ахмедовым, А.М. Обломским, О.С. Румянцевой)

2019 год

Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. Вып. 254. М., 2019. (в соавторстве с И. Р. Ахмедовым)

Тезисы

«ВОСТОЧНЫЕ» И ПРИКАМСКИЕ РЕМЕННЫЕ ГАРНИТУРЫ В
СРЕДНЕМ ПООЧЬЕ В VII – НАЧАЛЕ VIII В.

Детали ременных гарнитур являются одним из важнейших хронологических индикаторов финала расцвета культуры рязано-окских финнов, общие рамки которого были определены автором третьей четвертью VII в. Это было основано, в первую очередь, на находках II периода геральдических гарнитур Поволжья и Приуралья по И.О. Гавритухину и горизонта Сивашовка-Макуховка по А.В. Комару (Ахмедов, 2010). Позже к ним добавились новые категории «восточного» происхождения, частично рассмотренные в более поздних работах (Ахмедов, 2014; Ахмедов, Гаврилов, 2017).

Это прессованные бляшки с изображением морды фантастического существа «Киртимукхи», происходящие из Елшинского клада, а также серия характерных ременных бляшек в виде фигуры, составленной из диска и «геральдического» щитка. Из могильника Курман происходят бляшки с четырехгранной пирамидкой в центре фигур и наконечник ремня с четырьмя пирамидками в поле. Шаблон с полусферой, вписанной в центр элементов, найден на территории комплекса Белые Бугры. Возможно, этот шаблон или подобный ему были использованы при изготовлении бляшек из могильника Ундрих (рис. 1: 1–4).

Подобные бляшки находят параллели и аналоги в Южном Приуралье и Западной Сибири. Аналоги бляшкам из Курмана известны в п. 1 могильника Усть-Суерское 1 (Белозерский р-он, Курганская обл.) (Матвеева, 2016. С. 102–105, 129–131. Рис. 69: 1–11). Н.П. Матвеева относит погребения этого могильника к кочевническим, датируя его «условно раннетюркским периодом», предполагая появление в регионе новых групп населения с юга или востока.

Пряжка, выполненная в этой стилистике, найдена в составе поясного набора на территории Неволинского могильника (Кунгурский р-он, Пермская обл.) (рис. 2: 1; 3: 1).

Варианты бляшек в виде диска и «геральдического» щитка или в виде комбинации из круглой бляшки и бляшки в виде «геральдического» щитка найдены в среднем и верхнем Приобье (Юрт-Акбалык 8, кург. 23, п. 1; Умна-2, кург. 1, насыпь; Осинкинский могильник, п. 19) (рис. 3: 2–4) (Троицкая, Бородовский, 1990. С. 151, 158–159; Савинов и др., 2008. С. 12. Табл. VI: 19–21, 23). Близка находка из п. 1 Манякского могильника, найденная вместе с близкими по стилистике бляшками, выполненными в несколько иной технике (Мажитов, 1981 Рис. 3: 1–10) (рис. 2: 5). Бляшки, подобные последним, входили и в состав, видимо, ранних версий «неволинских» поясов (рис. 2: 3, 4) (Голдина и др., 2011. Табл.64–65; Голдина, 2012. Табл. 10). Мастер-модели для производства бляшек этой стилистики представлены в составе клада ювелира с Кузубаевского городища (рис. 2: 4) (Останина и другие, 2011).

Бляшки из могильников Умна 2 и Осинкинский украшены изображениями личины, сопоставляемым исследователями с образом Киртимукхи. Предположения о среднеазиатском происхождении этих гарнитур, выдвигавшиеся исследователями и ранее, в настоящий момент подтверждаются находками на среднем течении р. Сырдарья, например, в кург. 6 могильника Борижар (рис. 3: 5). По наблюдениям А.И. Торгоева, их ареал ограничивается бассейном р. Арысь и Ташкентским оазисом. (Автор благодарит А.И. Торгоева за любезно предоставленную информацию, фото и консультации).

Бляшки этих форм на примере находок в п. 1 р. 1 могильника Маняк И.О. Гавритухин относит к 3 группе ременных гарнитур Поволжья и Приуралья (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 85–86. Рис. 89).

Находки этих деталей гарнитур не только конкретизируют наше представления о времени кардинальных изменений в жизни расселения Среднего Поочья, но и указывают на появление в последние десятилетия VII в. нового направления культурных связей с Прикамьем и Приуральем. Очевидно, что контрагентами в процессе поступления «среднеазиатских» или «восточных» импортов в Поочье и в Прикамье в VII в. были носители кушнаренковской (каракуяповской) культуры, связанной по происхождению с южной частью Западной Сибири, входившей в сферу тюркского влияния (Останина и др., 2011. С. 102).

Связи населения Среднего Поочья с Прикамьем продолжались и после катастрофы последних десятилетий VII в. Об этом свидетельствуют находки наборных поясов «неволинского» облика, найденные в регионе. Один набор найден в п. 1128 Шокшинского могильника (раскопки В.Н. Шитова), три пояса происходят из разрушенных погребений на вновь открытом А.П. Гавриловым и В.Д. Коновым могильнике Городище 2 (автор благодарит А.П. Гаврилова за информацию и представленные фотографии), одна бляшка найдена на территории могильника Шагара 5 – Барское 2, два наконечника ремней найдены на многослойном памятнике Белый Колодец 1 в Зарайске. (Автор выражает искреннюю благодарность Е.В. Леоновой за информацию и фото) (рис. 1: 5–10).

Эти находки являются важными хронологическими индикаторами, позволяющими приступить к выделению горизонта начала VIII в. в рязано-окских древностях. Если на могильниках Курман и Шокшинском, находящихся на окраинах рязано-окского ареала и, видимо, не затронутых событиями последних десятилетий VII в., этот горизонт прослеживается отчетливо, то находки на могильнике Городище 2 практически сенсационны. Памятник располагается в самом центре ареала культуры, хронологические рамки собранных на его территории вещей чрезвычайно широки – от первых веков н.э. до VIII в. «Неволинские» поясные наборы свидетельствуют о

продолжении совершения на нем захоронений и после катастрофы VII в. Возможно, в будущем исследование памятника позволит обогатить наши знания об этом, пока еще «темном» периоде истории рязанских финнов в последней четверти I тысячелетия н.э.

«Неволинские» пояса в начале VIII в. становятся предметами импорта. На востоке детали таких поясов известны вплоть до лесной зоны среднего течения р. Обь. Достаточно далеко они проникают и на запад. Возможно одно из направлений «западного пути» шло по р. Оке. Представляется, что приведенные данные будут весьма важны для понимания процессов складывания торговых путей в Восточной Европе в последние столетия I тысячелетия н.э.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э. Проблемы и материалы / Отв. ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 7–34. (РСМ. Вып. 13).

Ахмедов И.Р., 2014. «Лик славы». Согдийские находки из Елшинского клада // Славяне и иные языци... К юбилею Натальи Германовны Недошивиной / Отв. ред. Н.И. Асташова. М.: Государственный исторический музей. С. 282–298. (Тр. ГИМ. Вып. 198).

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus.* (5). С. 17–39.

Гавритухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. При участии И.Р. Ахмедова, А.В. Мастыковой, В.Ю. Малашева, В.Е. Родинковой, О.А. Щегловой. М.: ИА РАН; Курский областной археологический музей. (РСМ. Вып. 3). 296 с.

- Голдина Р.Д., 2012.* Неволинский могильник VII–IX вв. н.э. в Пермском Предуралье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 21. Ижевск: Удмуртский государственный университет. 472 с.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М., 2011.* Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье // Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 13. Ижевск, Пермь: «Удмуртский государственный университет». 340 с.
- Мажитов Н.А., 1981.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: «Наука». 1981. 162 с.
- Матвеева Н.П., 2016.* Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов. (Проблемы культуригенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета. 263 с.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б., 2011.* Кузубаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Удмуртия. 218 с.
- Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008.* Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура) / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН. 424 с.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1990.* Погребения младенцев в курганах VII в. н.э. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов / Отв. ред. И.Н. Гемуев. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение. С. 149–162.

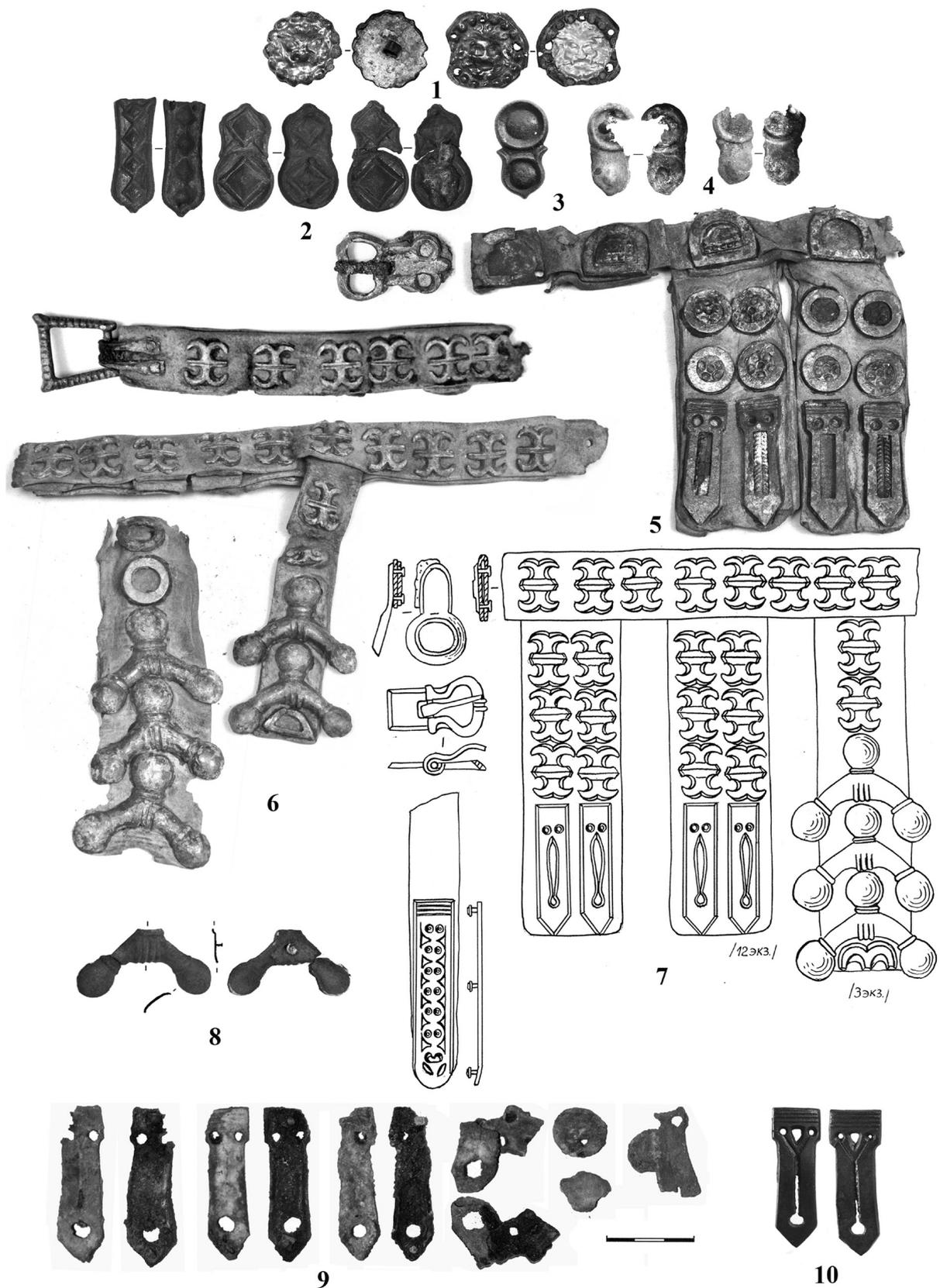

Рис. 1. Находки «восточных» гарнитур в Среднем Поочье.

1— Елшинский клад; 2 – могильник Курман; 3 – Белые Бугры; 4 – могильник Ундрих; 5, 6, 9 – могильник Городище 2; 7 – Шокшинский могильник, п. 1128; 8 – Шагара 5 – Барское 2, находка на площади; 10 – Белый Колодец 1.

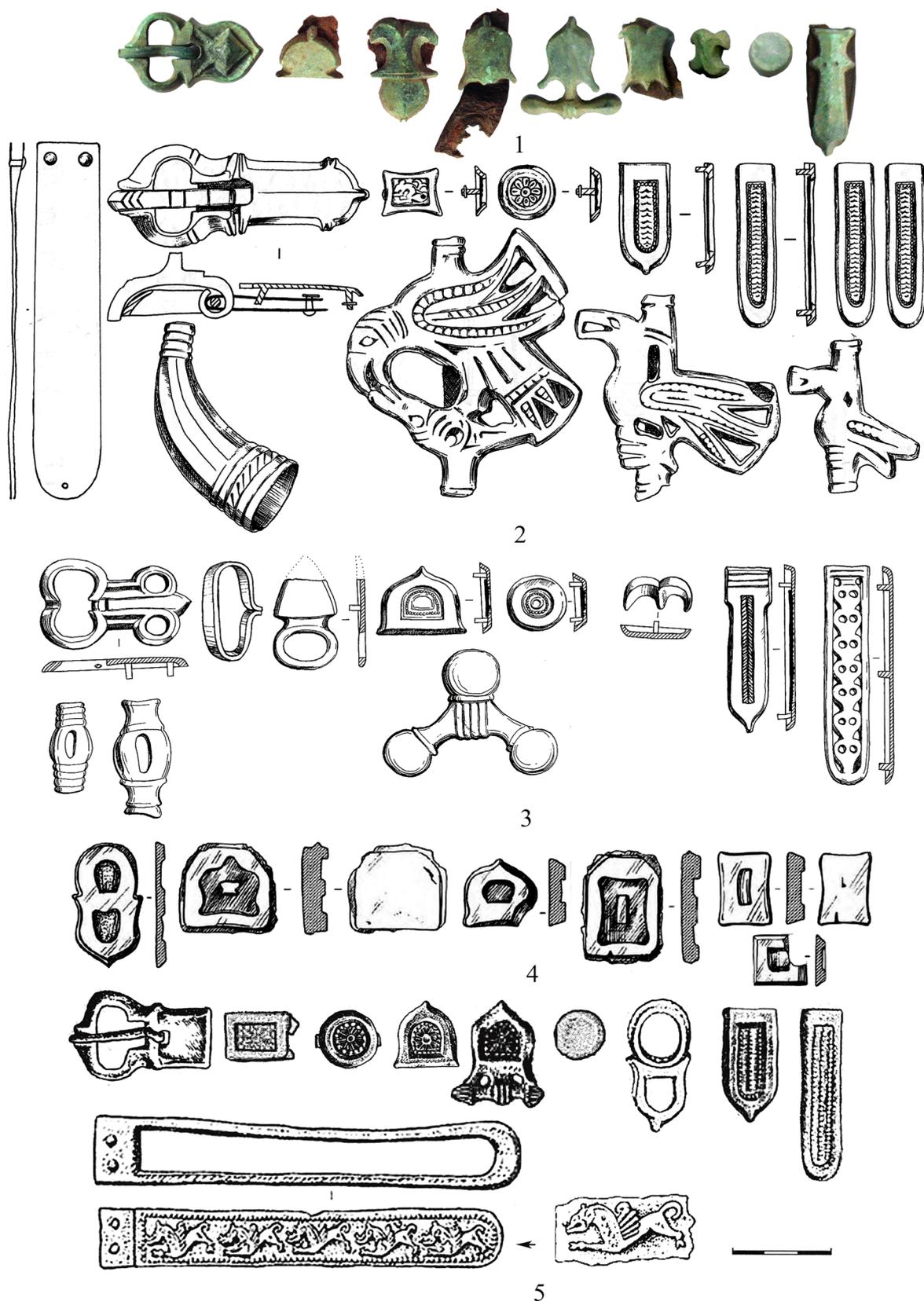
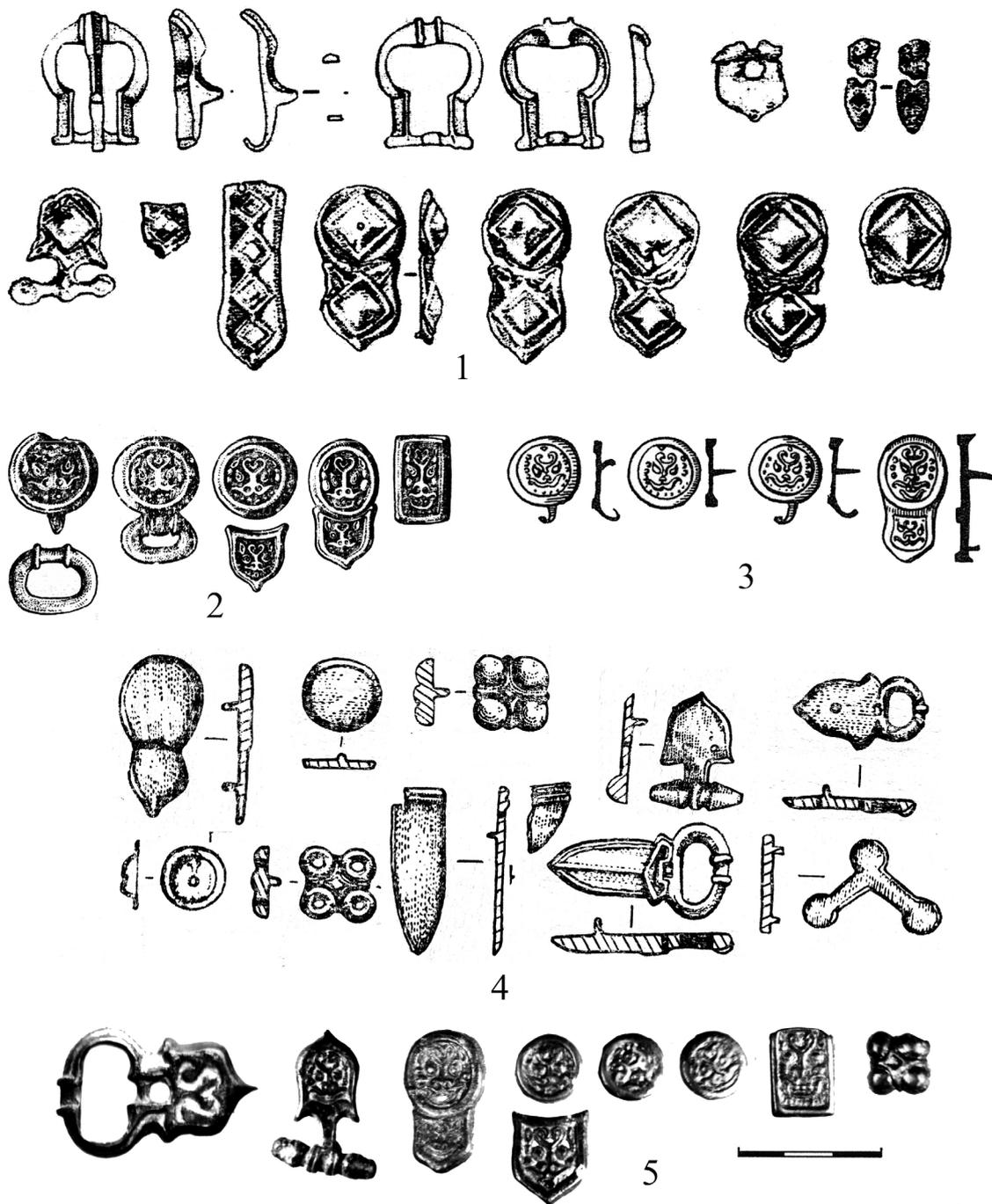

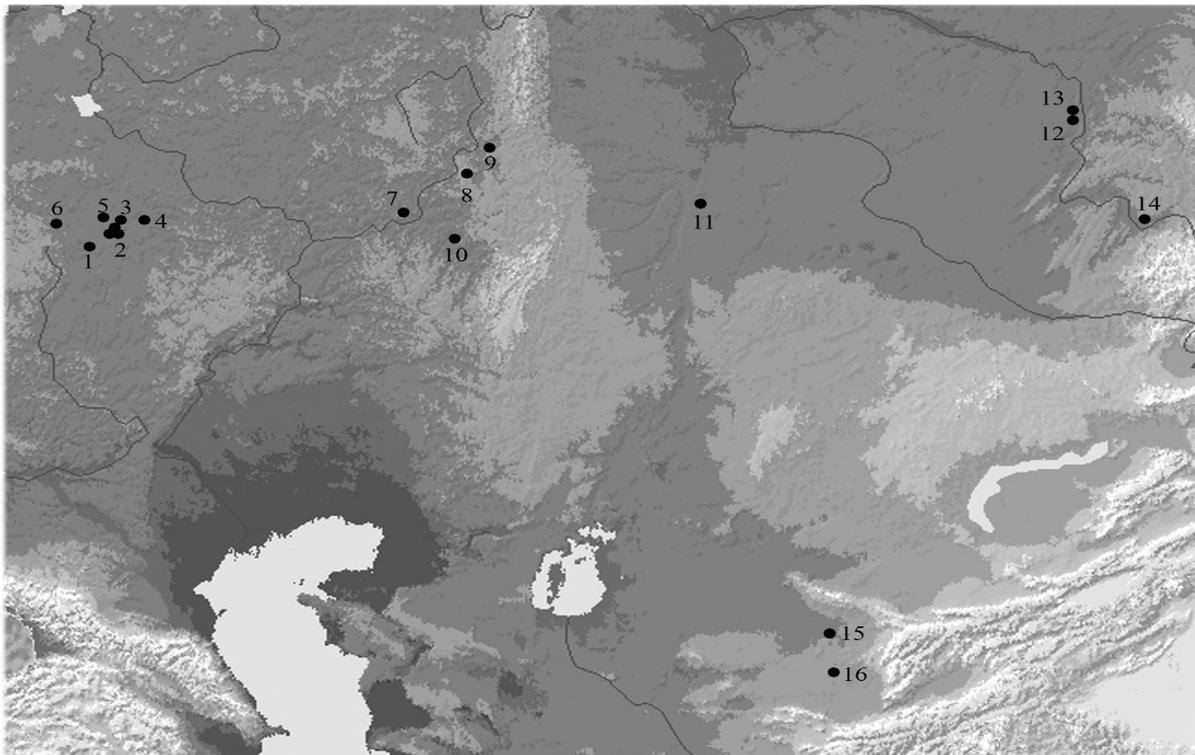
Рис. 2. Находки гарнитур и мастер-моделей для их изготовления в Прикамье и Приуралье.

1 – Находка на площади Неволинского могильника; 2 – Бартымский I могильник, п. 11г; 3 – Неволинский могильник, п. 94; 4 – Клад ювелира с Кузубаевского городища; 5 – могильник Маняк, п. 1.

Рис. 3. Находки гарнитур в Западной Сибири и Средней Азии.

1 – могильник Усть-Суерское 1, п. 11., пряжка с сохранившимся язычком (подъемный материал); 2 – могильник Умна 2, комплексе из насыпи кургана 1; 3 – Осинкинский могильник, п. 19; 4 – могильник Юрт-Акбалык 8, п. 1 курган 23; 5 – м-к Борижар, курган 6.

Рис. 4. Основные памятники и территории, упоминаемые в работе.

1 – Елшино; 2 – Городищенский, Белые Бугры, Ундрих; 3 – Курман; 4 – Шокша; 5 – Шагара 5; 6 – Белый Колодец 1; 7 – Кузубаево; 8 – Неволино; 9 – Бартым; 10 – Маняк; 11 – Усть-Суерское; 12 – Умна 2; 13 – Юрт-Акбалык 8; 14 – Осинский; 15 – Борижар; 16 – Ташкент (Ташкентский оазис).

Н.А. Биркина

ЛИТЬЕ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ СОЗДАНИЯ УКРАШЕНИЙ В
КУЛЬТУРЕ РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КОШИБЕЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

Украшения из цветных металлов, особенно на основе меди, широко распространены во всем финно-угорском мире. Они не раз привлекали внимание исследователей. Однако технологические аспекты процесса изготовления украшений рассматривались в основном на средневековых материалах (Рыбаков, 1948. С. 90–94; Голубева, 1984. С. 75–89; Никитина, Ефремова, 2012. С. 146–165 и др.).

В свою очередь, металлообработка у рязано-окских финнов практически не освещена в литературе. Основной работой по этой теме может считаться раздел в публикации Никитинского могильника, написанный Т.Г. Сарачевой (Сарачева, 2005. С.103–122). Также стоит отметить статью И.Р. Ахмедова и А.П. Гаврилова, посвященную изготовлению тисненых деталей поясных наборов (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 17–40). Помимо прочего, авторы опубликовали вещи с Тереховского городища, которые могут быть связаны с металлообработкой на памятнике (Ахмедов, Гаврилов, 2017. С. 25).

Далее будут рассмотрены украшения, найденные на могильнике Кошибеево (Спицын, 1901. С. 55–71; Шитов, 1988. С. 4–43), с целью реконструкции технологических приемов, использованных для их производства. Поскольку сохранность многих изделий не позволяет произвести трасологический анализ на должном уровне, то в исследовании представлена не полная выборка материалов. Кроме того, на памятнике зафиксировано значительное количество импортных вещей, которые в этой работе также не рассматриваются.

Отметим, что все исследованные предметы, для которых основной формообразующей операцией было литье, сделаны по выплавляемым восковым моделям в неразъемную форму. Ни на одном изделии не удалось проследить следов литейного шва, характерного для изготовления украшений в составные формы.

В ряде случаев применялось тиражирование элементов восковой модели, выполняемое в одностворчатую форму. К ним относятся полусферические и конические детали украшений разных размеров. После получения восковой модели происходила сборка элементов и доработка. Например, бляшки меньшего размера группировались по несколько штук, на них фиксировалась система креплений в виде небольшой восковой палочки округлого сечения, проходящей через всю группу. Эта палочка выполняла также технологическую роль: являлась частью литниковой системы. После отливки бляшки могли разъединяться с помощью зубила или оставаться единой группой (рис. 1: 1). Таким же образом могли изготавливаться бляшки среднего размера. Заметим, что не было зафиксировано сгруппированных вместе бляшек среднего размера. Однако на всех них хорошо читаются следы рубки (иногда такие следы отчетливо видны с двух сторон) (рис. 1: 2). Более крупные бляшки изготавливались индивидуально. В этом случае система креплений располагается не на поверхности, а в центральной части. Вокруг места соединения отчетливо видны следы прилепа. Группировка украшений, несомненно, связана с упрощением и удешевлением процесса производства.

Литьем также изготавливались некоторые украшения, которые принято считать коваными. В качестве примера можно привести сюльгамы. На ряде обследованных украшений зафиксированы характерные следы, возникающие при резьбе по воску (рис. 2: 1). Особенно хорошо эти следы фиксируются в местах нанесения орнамента. О применении литья при изготовлении сюльгам пишет и Т.Г. Сарачева, отмечая, что к ним

применялась косметическая ковка, а орнамент наносился на металлическое изделие (Сарачева, 2005. С. 111). Последнее утверждение, во всяком случае для орнаментированных изделий, проанализированных нами в рамках этой работы, не подтверждается. Для литых сьюльгам ковка применялась только при формировании «усов» и формировании иглы.

Восковые модели многих изделий выполнены в технике плетения. Такие украшения имеют очень характерный самобытный внешний вид и были широко распространены в финно-угорском мире. Традиционно считается, что плетение выполнялось из провощенных нитей (Рыбаков, 1948. С. 154–155, Сарачева, 2005. С. 105), но нельзя исключать, что сплетали только восковые жгуты без использования нитей. Дальше их свивали между собой и формировали необходимый рисунок; также на изделие монтировали заранее тиражированные детали, если это предполагалось по задумке автора. Точные этапы литья украшений с подвижными элементами пока не реконструированы. Наиболее правдоподобный вариант создания таких украшений был предложен Т.Г. Сарачевой (Сарачева, 2005. С.109).

В некоторых случаях нами было зафиксировано, что литые украшения, входящие в состав одного комплекта были изготовлены разными способами и с различной степенью профессионализма. Вероятно, украшения из комплекта терялись или приходили в негодность, и другой мастер воспроизводил схожее по внешнему виду изделие. Примером могут быть бляшки от головного венчика из погребения 1, раскопки Глазова (Шитов, 1988. С. 20, 32. Табл. II:1). Две из трех бляшек, входивших в состав убора, выполнены литьем, центральное отверстие тоже присутствовало на восковой модели. Одна бляшка выполнена ковкой, вероятнее всего, вырублена из листа, центральное отверстие пробито на металле (рис. 2: 2). Схожая ситуация наблюдается и в украшениях нарукавной повязки (Шитов, 1988. С. 21, 32. Табл. II: 1). В ее состав входят две бляшки, качество создания восковок которых сильно отличается. Для первой бляшки основанием

послужила полусфера, по внешнему краю которой был зафиксирован свитый из восковых жгутов бортик. Петля для фиксации плотно смонтирована на изделие. Вторая бляшка сильно отличается по качеству исполнения. Бортик не является отдельным элементом восковой модели, «витье» имитировано насечками и очень плохо видно на готовом изделии. Скоба для крепления смонтирована не так аккуратно, как на первом украшении.

Литая заготовка использовалась и в том случае, если основной формообразующей процедурой являлась ковка. Литые стержни использовали для создания гривен, браслетов, украшений из проволок и т.п.

Таким образом, можно говорить о том, что литье было основным способом металлообработки в культуре рязано-окских финнов по материалам проанализированных изделий из Кошибеевского могильника. Мастера использовали и другие приемы: ковку, навивку, изгибание, рубку, шлифовку, чеканку, гравировку и т.д.

Литейщики, несомненно, старались оптимизировать процесс изготовления украшений. Они применяли тиражирование восковых деталей, группировали их между собой, чтобы ускорить и удешевить процесс. Кроме того, можно предположить, что изготовление литых изделий было широко распространено в среде рязано-окского населения и при необходимости утраченное украшение могло быть воспроизведено в относительной близости от места проживания владельца вещи. Возможно, это делалось не на столь высоком уровне, как у ювелира, но достаточном, чтобы дополнить комплекс убора.

ЛИТЕРАТУРА:

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., 2017. Находки матриц для изготовления деталей геральдических поясов в древностях рязано-окских финнов // *Stratum plus.* № 5. С. 17– 40.

Голубева Л.А., 1984. Женщины-литейщицы. (К истории женского ремесленного литья у финно-угров) // СА. № 4. С. 75–89.

Никитина Т.Б., Ефремова Д.Ю., 2012. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-вятского междуречья // Поволжская археология. № 2 / Гл. ред.: Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во «Фэн». С. 148–165.

Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.: АН СССР. 802 с.

Сарачева Т.Г., 2005. Технология изготовления ювелирных изделий Никитинского могильника // Р.В. Воронина, О.В. Зеленцова, А.В. Энговатова. Никитинский могильник: Публикация материалов раскопок 1977–1978 гг. Труды отдела охранных раскопок ИА РАН: монография. Т. 3. М.: ИА РАН. С.103–122.

Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. № 25. Вып. 1. Пг.: Тип. «Г-ва Художественной Печати». 150 с.

Шитов В.Н., 1988. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа в I – начале II тысячелетия н.э. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 4–43.

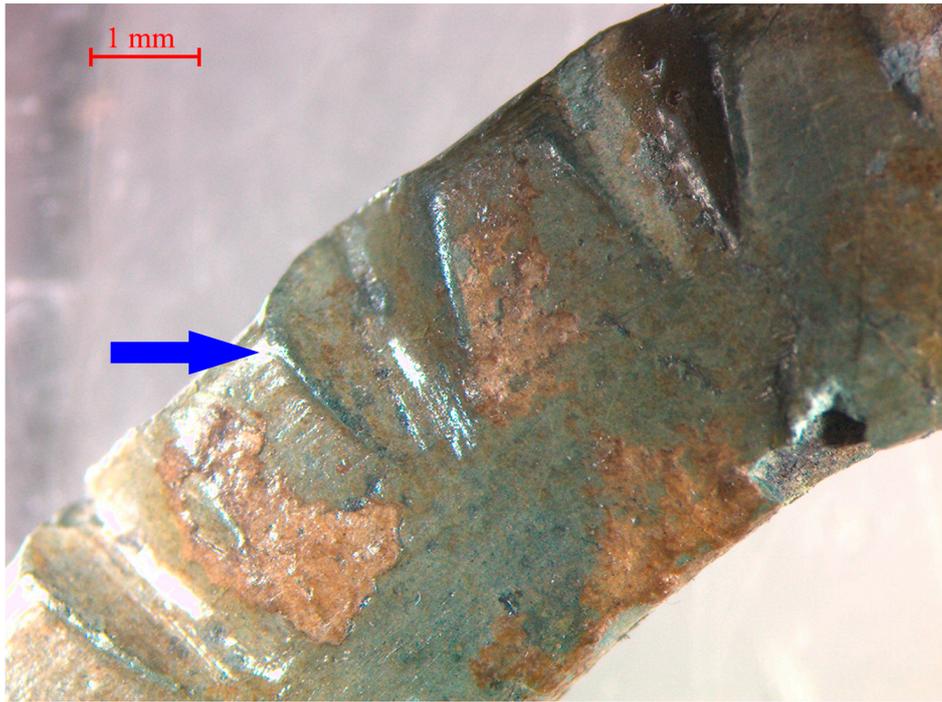

 Следы рубки на бляшках

2

Рис. 1. Литые нашивные бляшки.

1 – Сгруппированные вместе; 2 – Следы зубила на бляшках, возникшие при их разъединении

1

2

Рис. 2. Литые и кованные украшения с Кошибеевского могильника.

1 – Следы работы по воску при орнаментации скульгамы; 2 – Бляшки от головного венчика, одна выполнена литьем по выплавляемой модели, вторая вырублена из листового металла.

А. М. Воронцов

ТЕРРИТОРИЯ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА В
ПОЗДНЕРИМСКОЕ ВРЕМЯ И ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
НАРОДОВ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

До последнего времени культурно-хронологические горизонты памятников Окско-Донского водораздела поздне римского времени и эпохи Великого переселения народов выделялись на основе материалов, полученных в ходе раскопок многослойных городищ (Воронцов, 2013; 2016).

За последнее время были найдены новые типы и группы памятников, появились ранее не известные категории находок, которые значительно меняют наше представление о культурной ситуации на этой территории. В предлагаемом обзоре коротко характеризуются наиболее важные новые материалы и даются ссылки на их предварительные публикации.

Большинство открытий связано с территорией Тульских засек – полосы лесов, не подвергавшихся хозяйственному освоению с середины XVI в. Это обусловило хорошую сохранность памятников с «тонким» культурным слоем. Найденные в этой зоне селища, в частности поселения Воздремо 3а, 4, 10 (рис. 1: 6 – 8), неожиданно дали богатый материал (Воронцов, Столяров, 2018), что серьезно пошатнуло представление о мощинской культуре как о культуре городищ, окруженных маленькими селищами-сателлитами.

На одном из таких селищ – Супруты 6 (рис. 1: 4), были проведены небольшие раскопки. Это небольшое поселение со следами металлургического и кузнечного производства. Изучено две усадьбы, с первой связаны находки треугольной фибулы круга восточноевропейских выемчатых эмалей и двух фибул группы Альмгрен VII, со второй – находка двух римских серебряных денариев, спаянных в пожаре. Во второй усадьбе, наряду с типичной мощинской керамикой, найдена лепная керамика

раннеславянской традиции и фрагменты черняховской круговой посуды. Ранее таких находок в регионе не было. Не исключено, что на этом памятнике могло присутствовать «не-мощинское» население. Поселение датируется в рамках второй половины III – IV в. Краткая информация об этих работах доступна (Воронцов, Столяров, Столярова, Петров, 2019), сейчас готовится полная публикация.

В двух случаях рядом с такими поселениями были открыты грунтовые могильники с погребениями по обряду трупосожжения – Павловское 2 и Супруты (рис. 1: 2, 5). Все они были обнаружены при проверке данных о грабительских находках. В одном случае (могильник Павловское 2), с погребением, разрушенным кладоискателями, была связана находка фибулы группы Альмгрен VII. В настоящее время есть данные еще о двух таких могильниках, но информация требует проверки. Необходимо заметить, что до настоящего времени погребений интересующей нас эпохи на Окско-Донском водоразделе известно не было. Изучение памятников этого типа находится в самой начальной стадии и материалы, связанные с ними, опубликованы только в виде краткой информации (Воронцов, Столяров, Столярова, Петров, 2019).

Как ясно из вышеизложенного, кроме новых памятников на интересующей нас территории появился новый тип находок – фибулы группы VII по О. Альмгрену. При раскопках на мощинских городищах не было сделано ни одной такой находки. Практически все они происходят с селищ и могильников, значительно удаленных от сети городищ. Исключение составляют только находки с недавно открытого городища Барсуки (рис. 1: 10). Поскольку раскопок этого памятника не проводилось, вопрос об их контексте остается открытым.

Всего сейчас на памятниках Окско-Донского водораздела зафиксированы находки 17 экземпляров таких фибул, происходящих из 9 пунктов. На поселении Павловское 5 (рис. 1: 1) была открыта мастерская

по их производству. Сравнительный анализ находок фибул этой группы с территории Верхнего Поочья, Верхнего Подонья и Курского Посеймья и их полная публикация в настоящее время готовится совместно с И.О. Гавритухиным и О.А. Радюшем.

В 2016 году, в ходе спасательных раскопок поселения Упа 2 (рис. 1: 12), расположенного на восточной окраине современной Тулы, была открыта новая группа памятников эпохи Великого переселения народов – памятники типа Криволучье. Небольшая часть материалов этих раскопок была опубликована (Воронцов, Столяров, 2017). Всего за два года работ на памятнике (2016–2017 гг.) было изучено более 13 тыс. кв. м., материал в настоящее время еще находится в стадии обработки. Основу керамического набора этого памятника составляют лепные сосуды, относящиеся к раннеславянской традиции, присутствует мощинский компонент и небольшое число фрагментов круговой посуды. Хронология определяется в рамках середины IV–V в.

На расстоянии около 20 км от поселения Упа 2 было открыто еще одно селище этого типа – Кожуховка 2 (рис. 1: 15). В дальнейшем удалось сопоставить с этими материалами керамику из разведочных коллекций, происходящих еще с ряда памятников этого микрорегиона, но эти данные нуждаются в дополнительной проверке. Открытая группа памятников представляет собой анклав, расположенный на окраине территории, занятой мощинским населением. Безусловно родственными ей являются верхнедонские памятники типа Чертовицкое–Замятино.

Еще одной новой категорией на памятниках Окско-Донского водораздела стали находки позднеиримских бронзовых монет (рис. 1: г) За последнее время зафиксировано 48 экземпляров происходящих из 8 пунктов, данные о 26 находках опубликованы (Воронцов, Мызгин, 2019). Многие

из них связаны с вышеописанными памятниками типа Криволучье. Новые находки с селища Павловское 5 и из клада, найденного в устье р. Снедка, расширяют ареал в сторону нижнего течения р. Упы.

Наиболее ранняя монета относится к правлению императора Лициния и отчеканена в Риме в 315–316 гг. Наиболее поздняя относится ко времени правления Льва I (457–474 гг.). Таким образом, время их чеканки охватывает около полутора столетий. Они являются пока что одними из наиболее восточных достоверных находок позднеимперских бронзовых эмиссий в Европе.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.). М.: ИА РАН. С. 221–260. (РСМ. Вып. 17).

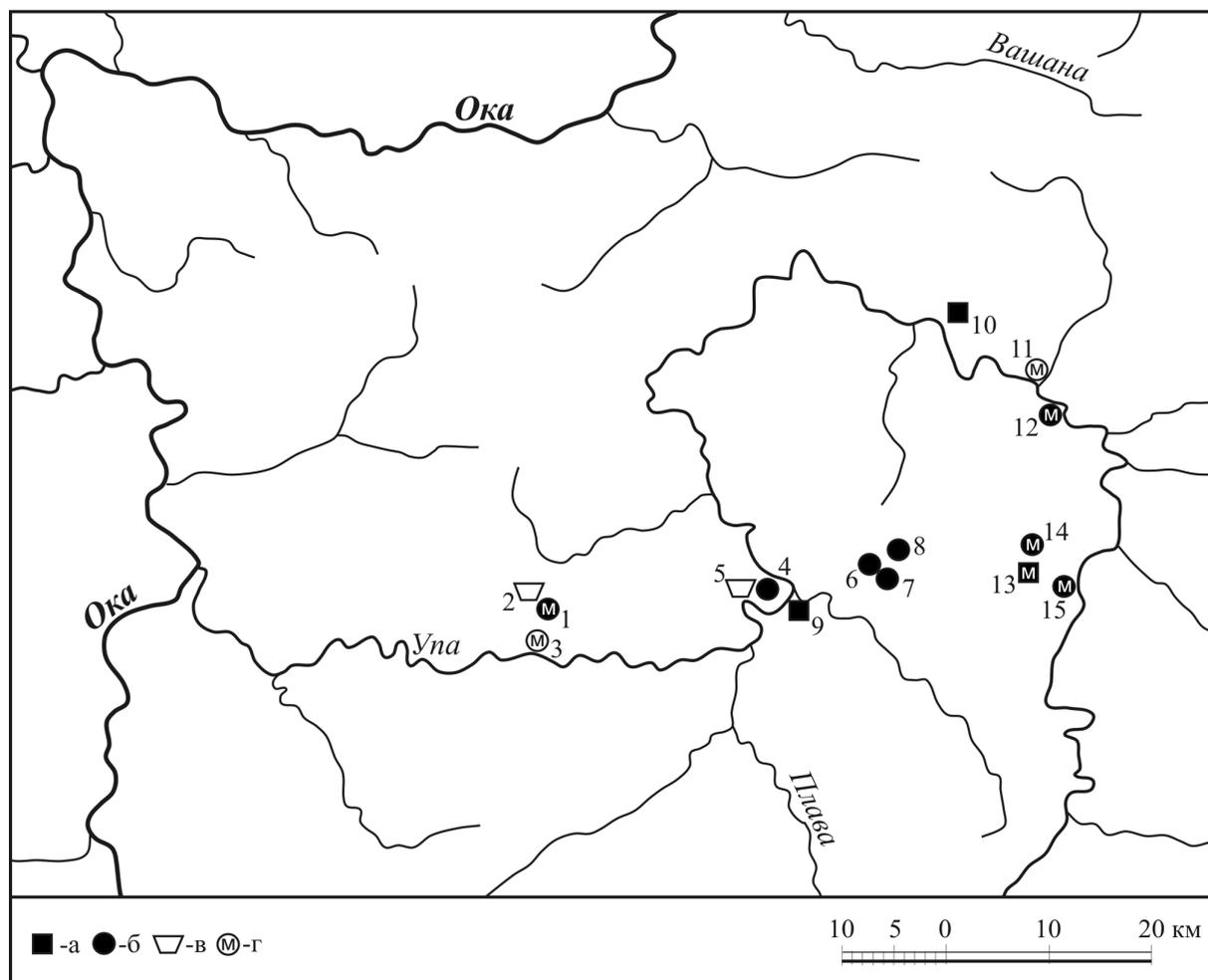
Воронцов А.М., Мызгин К.В., 2019. Ultima Thule? О находках позднеимперских монет на территории Тулы // Старожитності варварських племен у першій половині I тис. н. е.: до 90-річчя В. Д. Барана (Oіum, 6) / Отв. ред. О.В. Петраускас, О.В. Гопкало, С.А. Горбаненко. Київ: ІА НАН України. С. 244–261.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2017. Материалы гуннского времени с поселения Упа 2 в черте города Тулы // Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур: к 60-летию А.М. Обломского / Ред. В.Е. Родинкова, О.С. Румянцева. Москва: ИА РАН. С. 298–310. (РСМ. Вып. 19).

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2018. Группа селищ мощинской культуры на р. Воздремок // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы междунар. науч. конф., посвящ.

90-летию проф. Э.М. Загорюльского, Минск, 6–7 декабря 2018 г. / Науч. ред. А.А. Егорейченко. Минск: БГУ. С. 67–76.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Петров Ю.Ю., 2019.
Исследования памятников первой половины I тысячелетия // Археологические открытия в Центральном Черноземье 2018 / Отв. ред. М.В. Ивашов. Липецк; Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 224–226.

Рис. 1. Карта памятников позднеримского времени и эпохи Великого переселения народов, изучавшихся за последнее время на территории Окско-Донского водораздела.

а – городище, б – селище, в – могильник, г – находки позднеримских бронзовых монет.

1– селище Павловское 5, 2 – Павловское, могильник 2, 3 – клад Павловское, 4 – селище Супруты 6, 5 – могильник Супруты, 6 – селище Воздремо 3а, 7 – селище Воздремо 4, 8- селище Воздремо 10, 9 – городище Селиваново, 10 – городище Барсуки, 11 – местонахождение Зареченский район г.Тулы, 12– селище Упа 2, 13 – городище Малая Стрекаловка, 14 – селище Малая Стрекаловка 2, 15 – селище Кожуховка 2.

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК РЯЗАНО-ОКСКИХ ФИННОВ

В октябре 2013 г. в Шиловский районный краеведческий музей поступила информация о находках археологических предметов между д. Городище и с. Константиново Шиловского р-на, Рязанской обл. В 2016 г. были получены сведения о точном месте находки, а сами предметы были переданы в ШРКМ. Основная часть вещей представляла собой металлические детали женского убора культуры рязано-окских финнов. Осмотр места находки выявил множество кладоискательских ям, на отвалах которых удалось обнаружить выброшенные находки, характер которых указал на то, что они происходят из захоронений рязано-окских финнов. По результатам осмотра были также направлены письма начальнику государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Рязанской области О.А. Василькину и директору ГБУК РО «Информационно-аналитический центр культуры и туризма» М.В. Кауркиной.

В ноябре 2016 г. научным сотрудником ГБУК РО «Информационно-аналитический центр культуры и туризма» В.Д. Коновым при содействии сотрудников ШРКМ А.Н. и А.П. Гавриловых была осуществлена археологическая разведка с целью выявления ранее неизвестного объекта археологического наследия, подготовки документов для отнесения его территории к землям историко-культурного назначения и постановки на государственную охрану. Полевые работы включали в себя визуальный осмотр местности, выявление и сбор подъемного материала, составление инструментального топографического плана и предварительное выявление границ памятника. (Работы проводились по Открытому листу № 1139 от 18.07.2016 г.)

Выявленный памятник расположен на пашне и на бровках в верховьях разветвленного запруженного оврага Рогулилки, развивающегося в сторону правого берега р. Оки. Бровки оврага стабильны, залужены; русло обводненное, содержит редкую древесную растительность. Часть СВ бровки оврага в 1980-х гг. была подвергнута горизонтальной подрезке с применением бульдозеров, в результате чего местные жители стали находить на этом месте древнее железное оружие, отчего в местном сообществе возникло мнение, что здесь было место битвы мордвы и славян. Результатом этой подрезки стало и образование отвала высотой около 1 м, вытянутого вдоль ЮВ края пашни на 240 м. По бровкам оврага проходит грунтовая дорога от с. Константиново до д. Городище, огибающая овраг с южной стороны. Дорога сильно повредила современную поверхность и, видимо, древние объекты (захоронения), о чем свидетельствуют сообщения местных жителей о значительном количестве находок металлических предметов и фрагментов керамической посуды. Также в границах памятника зафиксированы следы незаконного проведения земляных работ, направленных на поиск археологических предметов. На залуженных участках выявленного памятника зафиксировано несколько десятков разрытий, размерами до 1 x 1,5 x 0,35 м, совершенных летом – осенью 2016 г. Таким образом, зафиксированы масштабные разрушения памятника археологии неустановленными лицами, в действиях которых прослеживаются признаки нарушения федерального закона № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Кроме того, памятнику угрожают эрозионные процессы, вызванные чрезмерной распашкой и плоскостными смывами на склонах, особенно интенсивными в весеннее время.¹

Состав собранных вещей можно признать беспрецедентным для подъемного материала. Создается впечатление, что кладоискателей

---

¹ Геологическое строение территории и воздействующие на неё естественные процессы охарактеризованы А.Ю. Воробьевым кандидатом географических наук, старшим преподавателем РГУ имени С.А. Есенина, за что авторы выражают ему искреннюю благодарность.

интересовали лишь предметы из драгоценных металлов, а железные и бронзовые вещи, порой составляющие наборы, они выбрасывали, иногда предварительно ломая их. Собранные вещи поступили в ШРКМ, где были сформированы в условные комплексы по местам находок вещей.²

Памятнику по результатам осмотра и предварительного анализа подъемного материала присвоено название «Городище 2. Грунтовый могильник».

Примечательны хронологические рамки находок. Наиболее ранним датирующим предметом является римская фибула «Авцисса»³, к наиболее поздним – относятся поясные наборы «неволинского» типа и несколько еще более поздних пряжек. Таким образом, общая предварительная датировка находок может быть определена в рамках I – начала IX вв. Среди находок присутствуют и вещи всех хронологических этапов культуры рязанских финнов. К «кошибеевскому» этапу могут быть отнесены фибула «Авцисса», литая застежка с полусферическими выступами и иглой, закрепленной в петле на внутренней стороне рамки, а также некоторые другие находки – гривны, браслеты, парные ажурные бляхи-пронизи (Табл. 1: 7; 2: 3). Фибула «Авцисса» в контексте рязано-окских погребальных памятников найдена впервые: до недавнего времени в бассейне р. Оки и в западной части Среднего Поволжья специалистам были известны лишь находки в Андреевском кургане и на Троицком городище (Дубынин, 1964. С. 192. Рис.12; Гришаков, Зубов 2009. С. 107-108. Рис. 23: 7; 25: 14, 15). Возможно, к этому времени следует относить и найденный в сломанном состоянии бронзовый римский треножник для светильника (?) (Табл. 2: 13).

---

2 Выражаем благодарность А.Н. Гаврилову за участие в полевых исследованиях и консультации, сотруднику ГБУК РО «Информационно-аналитический центр культуры и туризма» Д.В. Зайцеву, а также П.А. Булыгиной и научному сотруднику ООО «НПЦ «Рязанская археологическая экспедиция» К.И. Сазоновой, осуществившим обработку цифровых изображений археологических предметов из собрания Шиловского краеведческого музея.

3 Авторы благодарят за консультации в атрибуции и датировке археологических предметов И.Р. Ахмедова, с.н.с. отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа.

К классическим рязано-окским находкам конца IV–V вв. н.э. относится серия находок украшений: пронизей, бус, сьюльгам, привесок, несколько крестовидных фибул, гривна с замком в виде круглой коробочки, браслет с расширяющимися концами и с концами, украшенными личинами на концах (Табл. 2; 1–4; 5, 6, 8–14; 16–17). К VI–VII вв. относятся находки браслета с раскованными ромбическими концами, а также пальчатая фибула поствосточногерманской днепровской подгруппы – тип IC по И.О. Гавритухину (Белоцерковская, 2014. С. 185–196. Рис.2–5; Ахмедов, Гаврилов, 2017. С.74–76. Рис. 2: 3). Обычными для этого времени являются и находки втульчатых топоров и наконечников копий с «пламенеvidным» пером (Табл. 3: 1, 4, 5).

К наиболее позднему, «шокшинскому» этапу истории рязанских финнов относятся крупные проволоочные височные кольца, литые подвески-лунницы, нагрудная бляха с округлой пластинчатой иглой и гравированным орнаментом, застежка с «крылатой» иглой, наконечник копья и топор с выступами на проухе (Табл. 1: 19–20; 3: 2, 6). Основанием для датировки этой группы вещей VIII – началом IX вв. служат находки деталей ременных гарнитур «неволинского» облика (Табл. 2: 4–9; обзор находок в Поочье – см. тезисы И.Р. Ахмедова в наст. сборнике) и пряжек, аналоги которым известны в древностях горизонта II салтовской культуры (Табл. 2: 10–11) (Комар, 1999. С. 129–130, 132. Табл. IV). Часть поздних находок происходит из погребения по обряду кремации. Планиграфия подъемного материала различных хронологических групп позволяет предварительно предположить, что могильник развивался по направлению к ЮЗ.

Неподалеку, на СЗ окраине д. Городище, известно городище с выявленными слоями городищевой культуры и средневекового времени (XIV–XVII вв.), в 2 км ниже по течению р. Оки известно городище Кривцово 1 (Седой Бугор). На этом городище разведками А.Н. Гаврилова зафиксированы городищевые, рязано-окские и древнерусские материалы домонгольского времени. Известно здесь и селище с керамикой второй половины I – начала

II тыс. н.э. Неподалеку от городища также был найден клад римских монет I–II вв. н.э., здесь же обнаружены и другие находки, сопоставимые с культурой рязано-окских финнов (АКР, 1994. С. 151, 157–158; Цепков, 1994. С. 33; 2005. С. 22; Ахмедов, Гаврилов, Чореф, 2018. С. 437–438). Близость этих памятников свидетельствует о том, что могильник Городище 2 следует считать самым западным из рязано-окских памятников шиловской группы – наиболее репрезентативной в древностях рязанских финнов.

ЛИТЕРАТУРА

Археологическая карта России 1994. Рязанская область. Часть 2 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН. 221 с.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., 2017. «Славянские» фибулы в древностях рязанских финнов: старые и новые находки // *Élite ou Égalité... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Издательский дом «Бранко». С. 71 – 89.

Ахмедов И.Р., Гаврилов А.П., Чореф М.М., 2018. Клад римских монет I–II вв. из Среднего Поочья // *МАИАСК*, №10. С. 436 – 457.

Белоцерковская И. В., 2014. Женский костюм окских финнов V–VII вв. Традиции и новации // *Проблемы взаимодействия населения Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов* / Отв. ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 184 – 235 (РСМ. Вып. 15).

Гришаков В.В., Зубов С.Э., 2009. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы / *Археология евразийских степей.* Вып. 7. Казань: Институт Истории им. Ш. Марджани АН РТ; Самарский муниципальный институт управления, 2009. 173 с.

Дубынин А.Ф., 1964. Троицкое городище Подмосковья // *СА*, № 1. С. 178 – 198.

Комар А.В., 1999. Предсалтовский и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua.* № 2. С. 111–136.

Рис. 1. Могильник Городище 2. Женские украшения.

1-4 – бусы; 5,6, 13,14 – пронизы и привески; 7 – 9 – застежки; 10 – перстень; 11 – фрагмент гривны; 12, 20 – нагрудные бляхи; 15-17 – браслеты; 18 – подвеска; 19 – височное кольцо. 1-4 – стекло; 5-20 – бронза.

Рис.2. Могильник Городище 2. Крестовидная фибула и предметы инокультурного происхождения.

1-3 – фибулы; 4-12 – детали поясных гарнитур; 13 – вариант реконструкции найденного во фрагментах бронзового треножника. 1 – бронза, железо; 2, 3, 7, 10-13 – бронза; 4-6, 8,9 – бронза, кожа.

Рис.3. Могильник Городище 2. Орудия и предметы вооружения.

1-2 – наконечники копий; 3 – нож; 4-6 - топоры. 1-6 – железо.

ИЗМЕНЕНИЕ ЖЕНСКОГО УБОРА НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПООЧЬЯ В V–VI ВВ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОДВЯЗЬЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА)

Подвязьевский могильник является одним из немногих памятников, позволяющих получить представление о женском уборе населения Нижнего Поочья в середине – третьей четверти I тысячелетия н.э.

Могильник располагается в Нижегородской области на правом берегу р. Оки в 42 км от её устья (Грибов, 2014). По состоянию на 2019 г. изучено 64 погребения 66 индивидуумов на площади 312 кв. м. Памятник датируется серединой III – первой половиной VIII вв. По культурному своеобразие наиболее ранние комплексы тяготеют к погребениям кошибеевского этапа рязано-окских могильников, относительно поздние (V – первой половины VIII вв.) – близки к захоронениям могильников безводнинско-ахмыловского круга.

Степень изученности памятника сравнительно невысока. Однако имеющиеся материалы позволяют наметить некоторые тенденции в развитии местного женского убора – хотя бы на тот промежуток времени, с которым связана основная часть вскрытых женских погребений. Наиболее ранний период существования памятника середины III – первой половины IV вв., представленный пока преимущественно мужскими захоронениями, приходится исключить из соответствующего рассмотрения.

В настоящее время на могильнике исследовано 23 погребения представительниц женского пола, включая 3 детских, одно безынвентарное и одно погребение с единичными маловыразительными предметами погребального инвентаря. К исследованию может быть привлечено 18 комплексов. Результат их сравнительного изучения представляет корреляционная таблица (рис. 1).

В истории местного женского убора отчетливо выделяются две основные стадии (I и III) и переходный период между ними (II).

Первая, наиболее ранняя, стадия определяется широким распространением пластинчатых трапециевидных привесок с пробитым крепежным отверстием. Последние использовались как в качестве отдельных украшений, так и в виде многоярусных подвесок. Частой находкой в погребениях I стадии являются фрагментированные наборные украшения в виде тонкого кожаного ремешка с нанизанными стеклянными бусами, бронзовыми спиральными пронизями и трапециевидными привесками. Характерны сюльгамы со спирально подвернутыми не выступающими за ширину обода окончаниями, пряжки с прямыми или слегка вогнутыми относительно короткими язычками, не «обнимающими» своим окончанием край рамки, золотостеклянный и (или) краснопастовый многочастный бисер.

Погребениям третьей, наиболее поздней, стадии соответствуют уборы с включением круглодротовых височных колец и головных венчиков из трех кожаных ремешков с проволочными скобчатыми пронизками и бронзовыми пластинчатыми обоями. В наиболее «богатых» погребениях встречаются наконечники и головные жгуты. Типичной чертой этих комплексов является присутствие сюльгам с «усами» и хоботковидных пряжек.

Комплексы, занимающие «промежуточное» положение между погребениями этих двух «крайних» стадий, можно интерпретировать не только исключительно в хронологическом плане, но и как результат развернутой во времени поступательной эволюции наборов женского инвентаря. Следует отметить, что погребения с разным составом женского убора (I и III стадий) отчетливо отличаются по глубине заложения и ориентации могильных ям: для погребений I стадии обычны ориентация головой на юго-восток и неглубокие могилы, глубиной до 45 см; для погребений III стадии – ориентация головой на восток-юго-восток и глубина могильных ям около 80 см. Если погребения с женскими уборами I и II стадий

встречаются в одних и тех же рядах, то погребения с наиболее поздними комплексами (III стадии) образуют отдельные ряды. Эти и некоторые другие наблюдения указывают, скорее, на «пришлый» характер носителей новых традиций. В этой связи «смешанные» комплексы могли быть оставлены представителями субстратного населения во время инкорпорации в местную среду «пришельцев» – единовременно с их наиболее ранними захоронениями с уборами III стадии.

Ряд тенденций выявленной динамики набора женских украшений населения Нижнего Поочья имеет прямые параллели в изменениях женского костюма носителей культуры рязано-окских финнов, произошедших вблизи рубежа V–VI вв. – между периодами 3 и 4 его развития, выделенными И.В. Белоцерковской (2007. С. 195–198).

ЛИТЕРАТУРА

Белоцерковская И.В., 2007. Инвентарь женских погребений (п. 3.3) / Глава 3. Культура рязано-окских могильников // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН. С. 186–212. (РСМ. Вып. 9).

Грибов Н.Н., 2014. Новые данные по истории освоения Нижней Оки в эпоху раннего средневековья (по материалам Подвязьевского могильника) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани 2014 г. Том II. / Отв. ред. А.Г. Ситдилов, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество. С. 317–319.

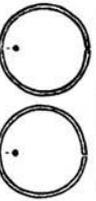
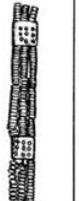
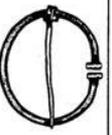
НОМЕРА ПОГРЕБЕНИЙ / ДАТИРУЮЩИЙ ИНВЕНТАРЬ	30	29	25	28	23	26	58	21	36Б	1	36А	34	12	22	60	32	53	15	
I 1 пряжки без хоботковидных язычков																			
2 наборные украшения из бус, трапециевидных привесок и сл. пронизок																			
3 отдельные пластинчатые трапециевидные привески					I														
4 золотостеклянный и красноластовый многочастный бисер																			
5 сюльгамы без «усов» (кольцевидные застёжки)																			
II 6 височные кольца																			
7 головные жгуты																			
8 пряжки с хоботковидным язычком																			
9 головные венчики с пластинчатыми обоянами																			
10 сюльгамы с «усами»																			

Рис. 1 Распределение характерных элементов женского убора по комплексам.

О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ ДИСКОВИДНЫХ БЛЯХ С КРУГЛОЙ КРЫШЕЧКОЙ В МОГИЛЬНИКАХ МОРДВЫ И МУРОМЫ

Одним из ярких украшений поволжских финнов эпохи раннего Средневековья является дисковидная нагрудная бляха с дверцей. Это женское украшение, не несущее никакой утилитарной функции, было популярно в финно-угорском мире более 500 лет. Нагрудная бляха представляет собой пластинчатый диск с округлым вырезом в центре, который прикрывался подвижной крышкой. Бляха крепилась к костюму посредством ремешка, пропущенного через язычок крышки. В могильниках мордвы бляхи фиксируются в области живота, вероятно, они закреплялись на поясе; в муромских могильниках бляха всегда лежит в верхней части груди. Нередко под бляхой прослежены сюлгамы, иногда вышивка оловянным бисером – вероятно, бляха украшала второй слой одежды.

В муромских могильниках нагрудная бляха является достаточно редкой находкой. Из 83 женских погребений Подболотьевского могильника, раскопанных в 2012–2014 гг., бляха обнаружена только в 9 костюмных комплексах, и еще 6 блях известно в материалах раскопок В.А. Городцова (Городцов, 1914. С. 83, 88–90, 95). В.В. Бейлекчи в своем своде материалов муромских могильников учел еще 10 блях (Бейлекчи, 2005. С. 39). Только 2 бляхи известны в материалах Чулковского могильника (Гришаков и др., 2016. Рис. 20: 1; 61: 16). Со второй половины I тыс. н.э. нагрудные дисковидные бляхи с крышкой характерны прежде всего для южномордовских могильников. Они найдены в могильниках на Средней Цне – в Пановском (20 экз.), Елизавет-Михайловском (21 экз.) и Крюковско-Кужновском (59 экз.), в бассейне р. Мокша во Втором Сраробадиковском (15 экз.), Журавкинском (8 экз.), Кельгининском (5 экз.), Степановском, что на р. Ляча (4 экз.). Всего учтено

132 нагрудные бляхи из мордовских могильников. Наибольшее число этих украшений происходит из Шокшинского могильника (115 экз.), который В.Н. Шитов относил к последней стадии существования рязано-окских могильников (Шитов, 1988. С. 20). Для северомордовских могильников, расположенных в бассейне р. Теша, рассматриваемого времени это украшение вовсе не характерно вовсе.

Исследователями неоднократно высказывалась мысль, что нагрудные бляхи маркируют погребения исключительно замужних женщин и именно как символ семейного статуса их помещали в составе даров в мужские захоронения (Воронина, 1993. С. 87; Белоцерковская, 2003. С. 148). В виду отсутствия половозрастных определений в большинстве могильников однозначно данный тезис подтвердить сложно. В Крюковско-Кужновском могильнике из 181 женских погребений бляхи присутствовали в костюме 49 женщин. Костюмные комплексы в этих погребениях наиболее полные, в них помимо блях присутствуют головные венчики, височные привески, наконники, гривны, ожерелья, браслеты, перстни и обувные украшения. В 10 случаях бляха в составе дарственного комплекса была положена в мужское захоронение. Половозрастные определения погребений Подболотьевского могильника свидетельствуют, что бляхи присутствуют в погребениях женщин детородного и более старшего возраста. Четверо погребенных имели возраст от 20 до 30 лет, причем женщина в захоронении 82 была похоронена с ребенком. Остальные три женщины погребены в возрасте старше 40–45 лет.

Прототипом блях с крышечкой являются кольцевые застёжки с лопастями и прорезные броши (Белоцерковская, 2007. С. 192. Рис. 7, 42; Ахмедов, Белоцерковская, 2019. С. 135, 137. Рис. 4). Начальные звенья эволюции этих блях в рязано-окских могильниках представлены в погребениях IV–V вв. в могильниках Кошибеево, Кораблино, Заречье и Кузминском могильнике (Шитов, 1988. С. 10; Белоцерковская, 2007. С. 193–201. Рис. 7). В материалах мордовских могильников ранние типы блях представлены

в Абрамовском и Селикса-Трофимовском (Вихляев и др., 2008, С. 29–30. Рис. 44, 45). Непосредственно бляхам с круглой крышкой предшествовали бляхи с шестиугольной крышкой с вырезами, которые в рязано-окских древностях относятся к VI – началу VII в. В Старокадомском могильнике они зафиксированы в погребениях VI–VII вв. (Шитов, 1988. С. 31. Табл. XXIV), этим же временем они датируются в мордовских могильниках (Вихляев и др. 2008. С. 138–139).

Именно у блях с шестиугольной крышечкой сформировался декор, который стал традиционным для нагрудных блях с круглой крышечкой – по краю корпуса три ряда мелких полушарных выпуклин и орнаментация круглой крышки пятью крупными выпуклинами, расположенными в виде креста.

Наиболее ранними бляхами с круглой крышкой являются бляхи с рельефным бортиком вокруг центрального отверстия, вокруг которого расположено шесть треугольных вырезом, перемежающихся крупными полушарными выпуклинами. У вершин вырезом расположено по одной или по три мелких выпуклины. Диаметр блях колеблется от 13,5 до 17 см (рис. 1, 1.2). Орнамент хорошо проработан, выпуклины рельефные, крупные, диаметром 8–9 мм. Это бляхи типа А2 по Ю.А. Краснову, в Безводнинском могильнике известны в погребениях конца VII – первой половины VIII вв. (Краснов, 1980. С. 53, 104. Рис. 34, 1, 10). В комплексе с серебряной двупластинчатой фибулой и четырьмя малыми крестовидными окскими фибулами такая бляха известна в Желтухинском могильнике (Уткин, Черников, 1999. Рис. 6, 23), в Шокшинском могильнике в комплексе с гривной с замком в виде петли и петлевидного крючка (Вихляев и др., 2008. С. 232). И если находки этих блях в могильниках безводнинско-ахмыловского круга маркируют нижнюю дату их появления, то находка в погребении 473 Крюковско-Кужновского могильника дает понимание о верхнем рубеже распространения этого украшения. В этом погребении

присутствует сюлгاما с «усами» равными диаметру кольца, массивный браслет с гвоздевидными концами и серповидная гривна с накладкой и конусовидными привесками. Такой комплекс украшений характерен для первой половины VIII в. (Вихляев и др. 2008. С. 140–141). Возможно, эта бляха немного запоздала, т.к. она положена в мужское погребение в качестве дара и имеет следы ремонта – крышка соединена с корпусом при помощи колечка. В Шокшинском могильнике бляха этой серии известна в погребении с гривной с замком-лодочкой, основное время бытования которой также приходится на VIII в. (Вихляев и др., 2008. С. 326). Еще два таких комплекса раскопано в Подболотьевском могильнике (Городцов, 1914. С. 142; Зеленцова, 2014. С. 227. Рис. 4).

Следующая серия блях с круглой крышкой декорирована четырьмя треугольными вырезами, перемежающимися четырьмя крупными выпуклинами. У вершин вырезов расположено по одной или по три мелких выпуклины. Диаметр блях колеблется от 13 до 16 см. Орнамент также хорошо проработан, выпуклины рельефные, крупные, диаметром 6–7 мм (рис. 1, 3). Известно 9 экземпляров таких блях. В четырех погребениях Крюковско-Кужновского могильника (п. 165, 343, 405, 446) такие бляхи найдены в комплексе с досалтовскими поясными наборами, которые датируются концом VII – первой половиной VIII в. (Комар, 1999. С. 123; Иванов, Пелевина, 2001. С. 91–93).

Еще одна разновидность блях с круглой крышкой – с четырьмя (редко шестью) крупными выпуклинами, перемежающимися мелкими выпуклинами, расположенными треугольником (рис. 1, 4). Диаметр блях колеблется от 13 до 15 см. Всего известен 30 экземпляров таких блях, и бытуют они в то же время, что и бляхи с четырьмя прорезями. Встречаются в комплексе с височными подвесками с массивным бипирамидальным грузиком, с гривнами с замком-лодочкой, сюлгами с усами равными диаметру кольца, с массивными браслетами с гвоздевидными концами, которые характерны для первой половины VIII в.. В женском погребении

37 Старо-Бадиковского могильника такая бляха найдена с пряжкой от досалтовского пояса (Петербургский, 2011. С. 173. Рис. 36).

Таким образом у мордвы и у муромы с конца VII – первой половины VIII в. получает распространение новый тип нагрудной бляхи с круглой крышечкой. Хронология всех трех серий блях укладывается в эти рамки, хотя более подробный анализ показывает, что их эволюция шла в направлении уменьшения диаметра блях и изменения орнамента корпуса, когда вместо прорезей появляется имитация в виде 3-х расположенных треугольником мелких выпуклин.

Сложившаяся конструкция нагрудной бляхи дожила до XI в., а ее развитие продолжалось в изменении декора корпуса и уменьшении ее размеров. Новый тип дисковидных блях с круглой крышечкой надолго вошел в костюмный комплекс и стал одним из этнокультурных реперов древнемордовской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. Вып. 254. С. 128–153.

Бейлекчи В.В., 2005. Древности летописной муромы. Погребальный обряд и поселения. Муром: Издательство Московского психолого-социального института. 278 с.

Белоцерковская И.В., 2003. Некоторые черты погребального обряда рязано-окских могильников // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. Рязань. С. 139–154.

Белоцерковская И.В., 2007. Инвентарь женских погребений // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. М.: Институт археологии РАН. С. 186–213.

Белоцерковская И.В., 2010. Гривны с коробками из рязано-окских могильников // Лесная и лесостепная зоны. Восточной Европы в эпохи римских влияний и

Великого переселения народов. Ч. 1 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула. С. 75–100.

Вихляев В.И., Беговаткин А.А., Зеленцова О.В., Шитов В.Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск: Красный Октябрь. 352 с.

Воронина Р.Ф., 1993. Об одном обереге Крюковско-Кужновского могильника // КСИА. Вып. 208. С. 86–94.

Гришаков В.В., Седышев О.В., Сомкина А.Н., 2016. Муромские племена правобережья Оки в последней четверти I тыс. н.э. Чулковский могильник. Саранск: Мордовский гос. пед. ин-т. 178 с.

Городцов В. А., 1914. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году // МАО. Т. XXIV. М.: тип. Г. Лиснера и Д. Совко. С. 40–216

Зеленцова О.В., 2014. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236. С. 219–330.

Иванов Б., Пелевина О., 2001. Детали литых наборных поясов предсалтовского времени с «перевязанной» пальметтой из Болгарии // РА. № 3. С. 88–98.

Комар А.В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы // Vita antiqua. №2. С. 111–136

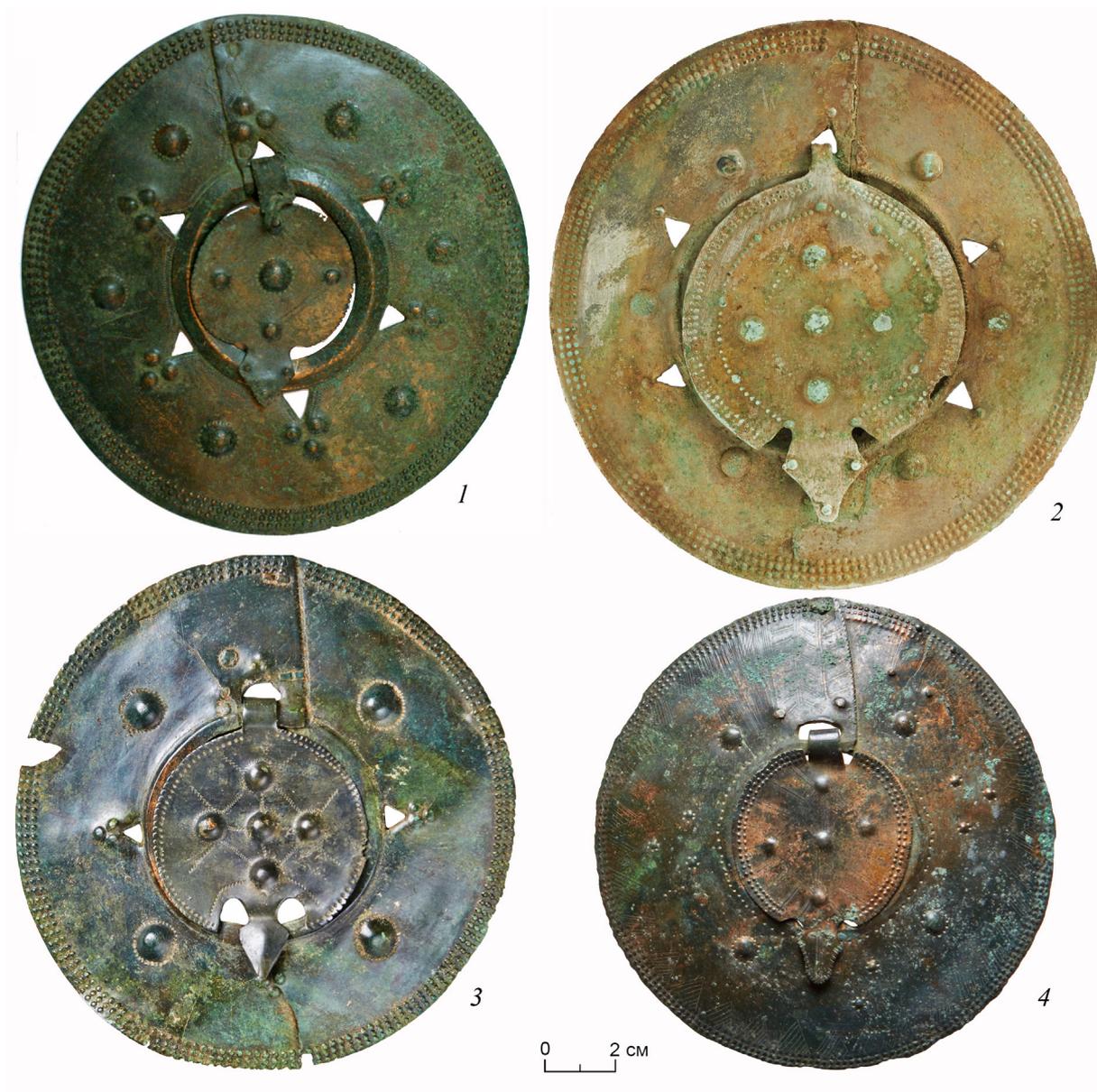
Краснов Ю.А., 1980. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука. 224 с.

Петербургский И.М., 2011. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск. 408 с.

Уткин А.В., Черников В.Ф., 1994. Желтухинский грунтовый могильник // Проблемы средневековой археологии поволжских финнов. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт. С. 41–66.

Шитов В.Н., 1988. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 23–71.

Шитов В.Н., 1988а. Кошибеевский могильник (по материалам раскопок В.Н. Глазова в 1902 г.) // Вопросы этнической истории мордовского народа

Рис. 1. Нагрудные дисковидные бляхи из могильников поволжских финнов.

1 – Крюковско-Кужновский могильник, п. 473, 2 – Подболотьевский могильник, п. 83, 3 – Пановский могильник, п. 25, 4 – Крюковско-Кужновский могильник, п. 5.

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ IX–XI ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ ОКСКО- ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА В 2008–2019 ГГ.: КРАТКИЕ ИТОГИ

Изучение памятников IX–XI вв. на территории региона велось с конца XIX в. Исследование древностей данного периода связано с именами Н.В. Теплова, Ю.Г. Гендуне, В.А. Городцова, М.А. Дружинина, Г.А. Доррера, Т.Н. Никольской, С.А. Изюмовой, М.Е. Смирновой, В.Г. Мироновой, Г.К. Патрик и др.

С конца 80-х гг. XX в. исследованием славянских древностей рубежа тысячелетий занимались сотрудники Тульской археологической экспедиции. Результаты данных исследований нашли свое отражение в многочисленных работах А.В. Григорьева и его обобщающем труде, посвященном славянскому населению водораздела Оки и Дона, изданном в 2005 г. Там же им же была предложена хронология славянских древностей IX–XI вв. (Григорьев, 2005. С. 133–142).

Археологические исследования последнего десятилетия позволили значительно расширить представления об этнокультурных процессах на территории Окско-Донского водораздела на рубеже I–II тыс. н.э. и уточнить хронологию памятников.

Изучение памятников раннего периода славянского освоения региона связаны с работами на г. Петровское, п. Щучье и п. Устье (рис. 1:51, 41, 52). В 2015 г. были осуществлены раскопки на площадке городища у с. Петровское на р. Упе (Простяков, 2018). В ходе раскопок была обнаружена заглубленная часть постройки, заполненная груболепной керамикой роменского типа (рис. 2:1). В ходе обследования осыпей склона городища был обнаружен фрагмент арабского дирхема эпохи Аббасидов (810–811 г. н.э.). Укрепления на городище, предположительно, относятся к мощинскому

периоду бытования. Комплекс находок и топография памятника позволяют отнести славянский горизонт его существования к раннему периоду бытования славянского населения в регионе – IX – началу X вв., наряду с городищами Супруты, Щепилово, Федяшево, поселениями Торхово, Уткино, Щучье, Слободка, Устье и пр. По мнению А.В. Григорьева, памятники раннего периода были связаны с функционированием Верхнеокского участка Донского торгового пути (Григорьев, 2006. С. 51–60).

В 2015–2016 гг. проводились раскопки на славянском поселении Щучье-1 на р. Осетр (Володин, 2017). Памятник датирован автором работ Е.О. Володиным IX – началом X в. Помимо основных материалов славянского облика, на памятнике зафиксирована высокая концентрация находок амфорной керамики и керамики салтовского типа. Также автором работ на основании анализа керамической коллекции был выявлен пласт иноэтничных материалов, связанных с традициями мощинской археологической культуры. Данные выводы помогают отчасти решить проблему контактов мощинского и роменского населения на территории региона, следы которых зафиксированы в результате изучения керамического комплекса г. Супруты (Колоколов, 2011. С. 52–53.)

Помимо п. Щучье масштабные работы проводились на славянском поселении Устье-2 на р. Мокрая Табола под руководством М.И. Гоняного. Хронологические рамки поселения, установленные автором работ, – IX – начало X вв. (Гоняный, 2017. С. 165–170).

Одной из наиболее значимых проблем хронологии славянских памятников региона является наличие лакуны второй – третьей четверти X в. (Григорьев, 2005. С. 142). Материалы исследований 2008 г. на г. Снедка и 2019 г. на г. Фурсово-2 (рис. 1: 26, 59) позволили предположить характер памятников данного периода. На г. Снедка был осуществлен разрез вала и исследована часть площадки городища в привальной части (Григорьев, Колоколов, 2020. В печати). В результате работ было установлено, что

укрепления на памятнике были возведены славянским населением региона. Керамический комплекс памятника состоял исключительно из фрагментов груболепных сосудов роменского типа (рис. 2: 7, 8). Городище предварительно датировано второй – третьей четвертью X в. К тому же периоду возможно отнести городище 2 у с. Фурсово на р. Исте, исследования на котором были проведены в 2019 г. (Колоколов, 2019. С. 181–196). Объединить данные памятники в один хронологический пласт косвенно позволяют: славянское время возведения укреплений, практически равная удаленность от магистралей торгового пути, отсутствие в керамическом комплексе круговой салтовской и древнерусской посуды.

Памятники позднего этапа славянского освоения региона до настоящего времени были достоверно представлены городищем у д. Тимофеевка, период возникновения которого датируется рубежом X–XI вв. (Григорьев, Шеков, 1998. С. 19–21). В 2019 г. были проведены раскопки на городище у бывшей деревни Кетри (рис. 1: 9; 2: 2–6). В результате исследований на памятнике было установлено время возникновения городища – вторая половина X – начало XI вв. Особенности топографии и вещевого комплекса памятника позволяют связать его возникновение с финальным этапом роменской культуры на территории Окско-Донского водораздела (Колоколов, Простяков, Столяров, 2020. В печати).

Горизонты IX–XI вв. зафиксированы на выявленном в 2019 г. городище у с. Спицино на р. Абрань (рис. 1: 87) (Полукеева, 2020). На основании шурфовки и сбора подъемного материала из многочисленных разрушений выделяется два хронологических горизонта: IX – первая половина X вв. и вторая половина X–XI вв. Ранний период бытования маркируется находками фрагмента амулета в виде коня (рис. 2: 12), имеющего аналогии в аланских древностях (Албегова, Ковалевская. 2011. С. 277–295) и железных двухсоставных псалиев (рис. 2: 14) типа I по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников, 1973. С. 13–14. Рис. 4, I). Схожие

псалии происходят из погребения с г. Чертово Городище (Прошкин, 2011. С. 57. Рис. 37: 1). К позднему периоду следует отнести находку фрагмента подковообразной бронзовой фибулы с напускными пирамидками на дуге (рис. 2: 13), датирующейся второй половиной X – началом XI вв. (Авдусина, Ениосова, 2001. С. 96–98), и серебряную подвеску скандинавского облика (рис. 2: 15) (Arbman, 1943. Taf. 96, 13). Вероятно, к тому же кругу древностей принадлежит находка черешкового наконечника стрелы (рис. 2: 16).

Таким образом, в результате археологических работ 2008–2019 гг. был выявлен горизонт IX – начала X вв. на многослойном г. у с. Петровское, были уточнены культурно-хронологические рамки поселений Щучье-1 и Устье-2. В результате работ на гг. Снедка и Фурсово-2 появилась возможность предварительно заполнить хронологическую лакуну второй – третьей четверти X в. Горизонты второй половины X – первой половины XI вв. были выявлены на г. Кетри и Спицино.

ЛИТЕРАТУРА

Авдусина С. А., Ениосова Н. В., 2001. Подковообразные фибулы из Гнёздова // Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. Вып. 124 / Отв. ред. В.В. Мурашева. М. С. 93–10.

Албегова З.Х., Ковалевская В.Б., 2011. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и Среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Акад. наук Чеч. Респ. ; отв. ред. Х.М. Мамаев. Г.– М.: Ин-т археологии РАН, Ин-т гуманитарных исслед. АН ЧР. С. 277–295.

Володин Е.О., 2017. Отчет о научных археологических исследованиях, проведенных на селище Щучье-1 в Веневском районе Тульской области в 2016 г. Тула // Архив ИА РАН. Р.1.

Григорьев А.В., Шеков А.В., 1998. Городище X–XI вв. в бассейне р.Упы // Тезисы докладов. Археология юго-востока Руси. Елец, С. 19–21.

Григорьев А. В., 2005. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула. Гос. Музей-заповедник «Куликово поле». 207 с.

Григорьев А. В., 2006. Верхнеокский участок донского торгового пути в IX – начале X вв. // Археология Юго-востока Руси. Материалы IV научной конференции / Отв. ред. А.Д. Пряжин. Елец. ЕГУ им. И.А. Бунина. С. 51–60.

Григорьев А.В., Колоколов А.М., 2020. Славянское городище у д. Снедка Одоевского р-на Тульской области // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева. Тула. Сборник находится в печати.

Гоняный М.И., 2017. Предварительные итоги археологических разведок с использованием детекторов металла на Устьинском археологическом комплексе на Куликовом поле // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. Т. II. С. 165–170.

Колоколов А.М., 2011. Лепная керамика роменского типа с городища Супруты // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб. – М. – Великий Новгород. С. 52–53.

Кирпичников А.Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // Свод археологических источников. Выпуск Е1-36. Л. Наука. Ленингр. отд-ние. 138 с.

Колоколов А.М., 2019. Славянское городище у с. Фурсово на реке Исте // Археологическое наследие. 2019, №1(2) / Глав. ред. А.Н. Голотвин. Воронеж, «Научная книга». С. 181–196.

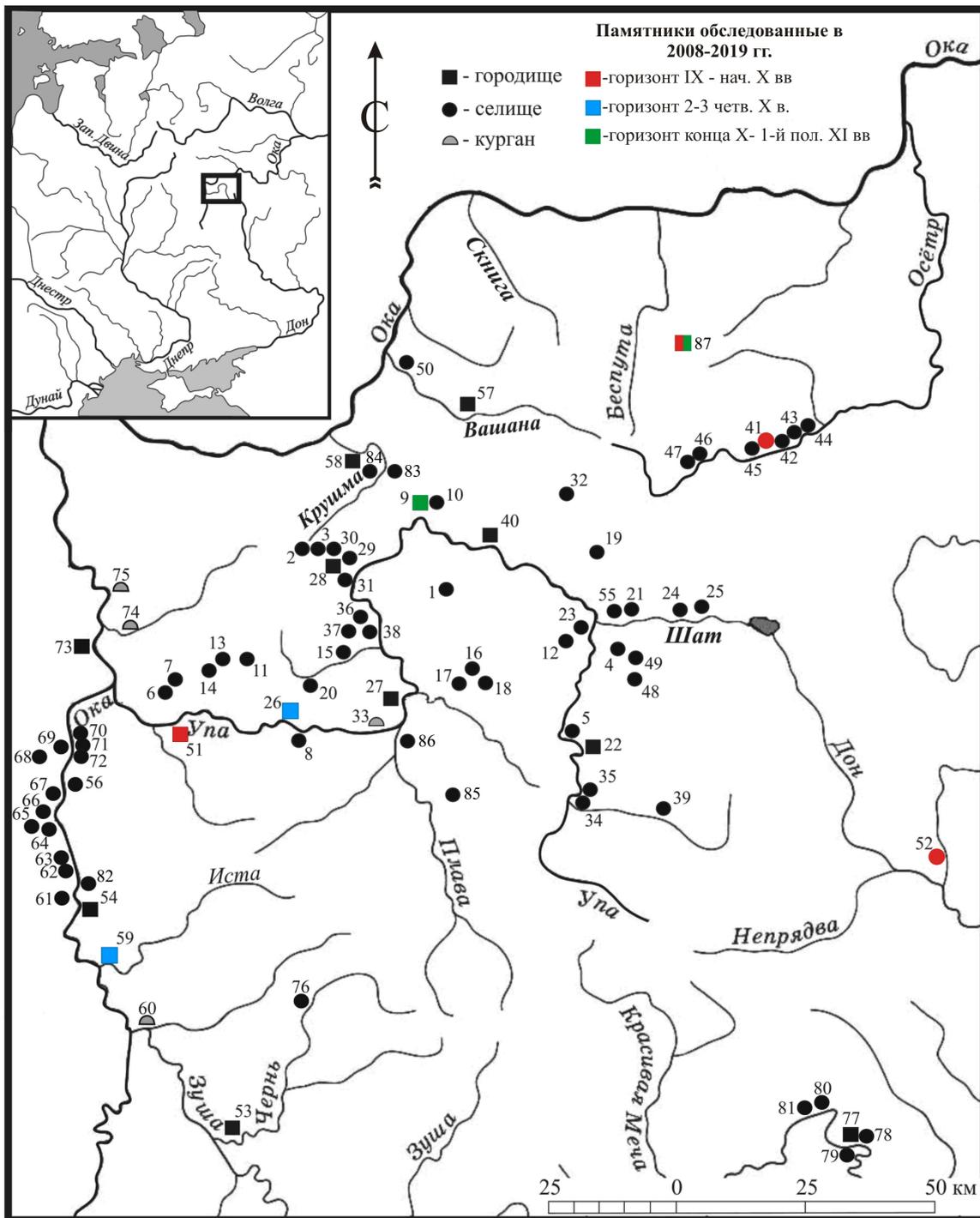
Колоколов А.М., Простяков И.С., Столяров Е.В., 2020. Городище X–XII вв. у бывшей деревни Кетри // Славянские древности VIII–XI веков на территории лесной и лесостепной зоны Восточной Европы: к 60-летию А.В. Григорьева. Тула. Сборник находится в печати.

Полукеева Т.А., 2020. Отчет о разведочных археологических исследованиях на территории Новомосковского и Ясногорского районов Тульской области в 2019 г. Тула. Отчет находится в печати.

Простяков И.С., 2018. Отчет об археологических раскопках на городище у с. Петровское в Одоевском районе Тульской области в 2015 году. Тула // Архив ИА РАН. Р. 1 № 57410.

Прошкин О.Л., 2011. Чертово Городище. Освоение славянами Верхнего Поочья. Калуга: Золотая аллея. 144 с.

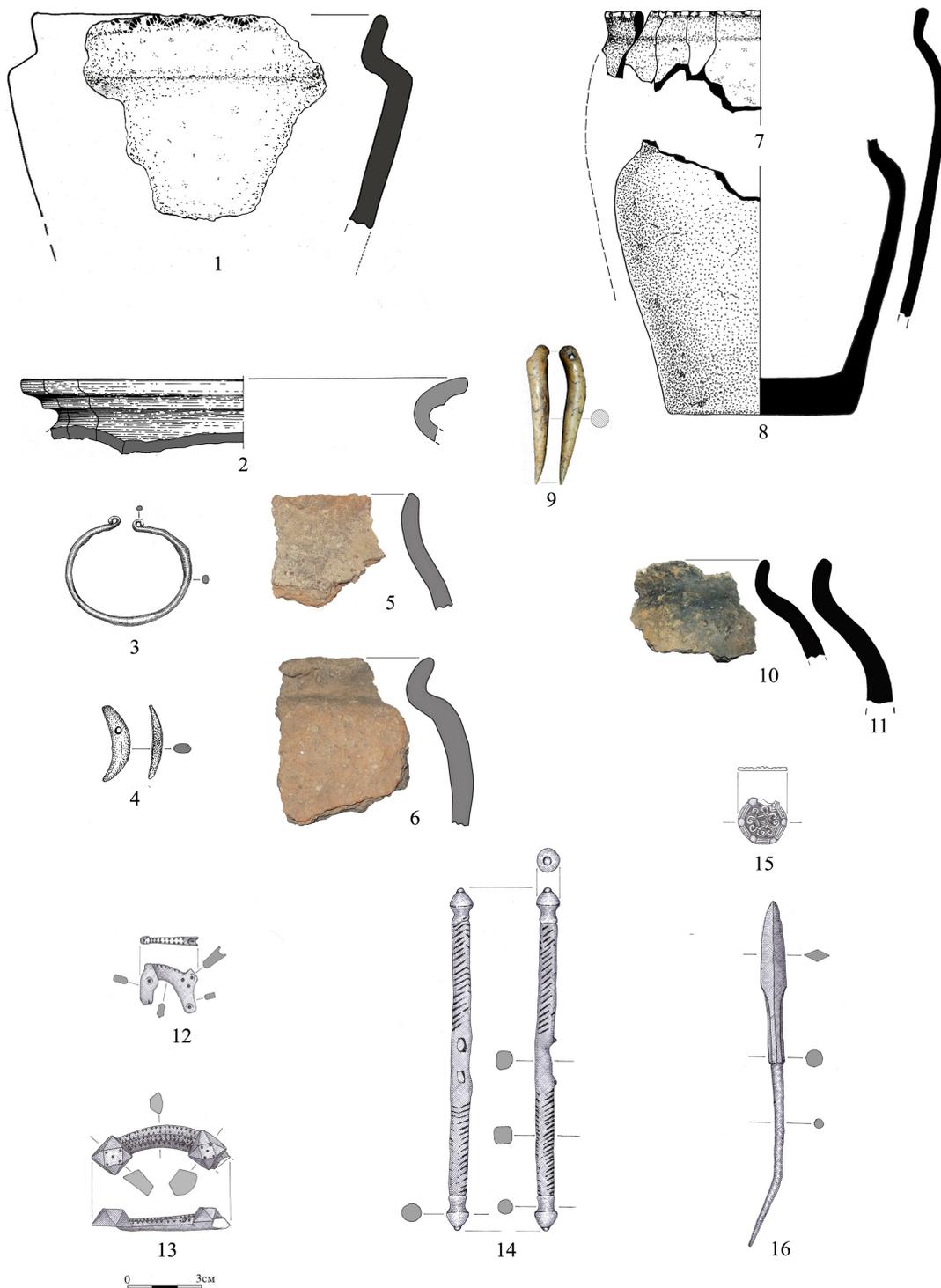
Arbman Holger., 1943. Birka I. Die Gräber. Tafeln. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.

1 – п. Батишево-4; 2 – п. Березово-1; 3 – п. Березово-2; 4 – п. Болохово-1; 5 – п. Бутырки; 6 – п. Денисово-1; 7 – п. Денисово-2; 8 – п. Жемчужниково-3; 9 – г. Кетри; 10 – п. Кетри; 11 – п. Кирилловка-3; 12 – п. Лобынское; 13 – п. Лужки-1; 14 – п. Лужки-5; 15 – п. Лужное-8; 16 – п. Майский-1; 17 – п. Майский-4; 18 – п. Майский-5; 19 – п. Новоселки-2; 20 – п. Озерки-1; 21 – п. Победа-1; 22 – г. Свисталовка; 23 – местонахождение Сергиевское; 24 – п. Слободка-1; 25 – п. Слободка-2; 26 – г. Снедка; 27 – г. Супруты; 28 – г. Тимофеевка; 29 – п. Тимофеевка-1; 30 – п. Тимофеевка-2; 31 – п. Тимофеевка-3; 32 – п. Торхово; 33 – Тризново, курганы; 34 – п. Уткино-1; 35 – п. Уткино-4; 36 – п. Хотеево-1; 37 – п. Хотеево-5; 38 – п. Хотеево-7; 39 – п. Чифировка; 40 – г. Щепилово; 41 – п. Щучье-1; 42 – п. Щучье-2; 43 – п. Причаль-2; 44 – п. Причаль-1; 45 – п. Грабовово-1; 46 – п. Андреевка-2; 47 – п. Андреевка-1; 48 – п. Пушкарские Выселки-1; 49 – п. Пятиницкое-1; 50 – п. Сотино; 51 – г. Петровское; 52 – п. Устье-2; 53 – г. Синяково; 54 – г. Федяшево; 55 – п. Шатск-17; 56 – п. Сестринский; 57 – г. Никулино; 58 – г. Сенево; 59 – г. Фурсово-2; 60 – Тшлыково, курганы; 61 – п. Уткино-3; 62 – п. Кализна-2; 63 – п. Кализна-3; 64 – п. Фатьяново-3; 65 – п. Фатьяново-4; 66 – п. Карцево; 67 – п. Болтенки; 68 – п. Давыдово; 69 – п. Кондратово; 70 – п. устье Гастунки; 71 – п. Мошены; 72 – п. устье Усть; 73 – г. Дуна; 74 – Западное, курганы; 75 – Доброе, курганы; 76 – п. Бунаково; 77 – г. Дубики; 78 – п. Дубики-1; 79 – п. Шилово; 80 – п. Маслово; 81 – п. Козье; 82 – п. Песковатое-4; 83 – п. Панское-1; 84 – п. Панское-2; 85 – п. Голошапово-3; 86 – п. Ярево-5; 87 – г. Спицино.

Карта-схема составлена А.В. Григорьевым, дополнена Е.О. Володиным и А.М. Колоколовым.

Рис. 1. Славянские памятники IX–XI вв. на территории Окско-Донского водораздела. Карта-схема.

Рис. 2. Находки с памятников IX –XI вв. 2008-2019 гг.

1 – развал лепного сосуда из заполнения постройки 1 у с. Петровское; 2–6 – находки из заполнения постройки второй половины X – начала XI вв. г. у быв. д. Кетри: 2 – венчик кругового сосуда, 3 – железный дровяной браслет округлого сечения с завернутыми в спираль концами; 4 – костяная подвеска-амулет в виде клыка животного с отверстием для подвешивания, 5-6 – венчики груболепных сосудов; 7–9 – находки из заполнения сгоревших оборонительных конструкций у д. Снедка: 7–8 – развалы лепных сосудов, 9 – костяная подвеска-амулет в виде клыка животного; 10–11 – венчики лепных сосудов из заполнения сгоревших оборонительных конструкций 2 у с. Фурсово; 12–16 – подъемны материал из разрушений у с. Спицино: 12 – фрагмент амулета в виде коня, 13 – фрагмент подковообразной бронзовой фибулы, 14 – железный двухсоставной псалий, 15 – серебряная подвеска, 16 – черешковый наконечник стрелы.

Н.А. Кренке

200 ЛЕТ «ПРОЕКТУ УЧЕНОГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО
РОССИИ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ДРЕВНЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

З.Я. ДОЛЕНГА-ХОДАКОВСКОГО

В 1820 г. в нескольких выпусках журнала «Сын отечества» был опубликован «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» З.Я. Доленги-Ходаковского (настоящее имя –Адам Чарноцкий). Явление уникальное не только для того времени, но и для последующих двух столетий. Говоря современным языком, З.Я. Ходаковский подал развернутую заявку на научный грант – и получил его! В принятии решения участвовал лично император Александр I. Исследование предполагалось вести несколько лет. Масштабность задуманного характеризует карта, составленная автором настоящей заметки по текстовому описанию «заявки» (рис. 1). Маршрут впечатляет: полевые исследования планировалось провести от Невы до Азовского моря и Каспийского приморья. При этом З.Я. Ходаковский обозначил и еще более масштабную «сверхзадачу» – изучение городищ от Урала до Эльбы. Его логика была безупречной – нельзя понять восточноевропейские городища без сравнительного анализа с прилегающими территориями. За первый год исследований (1821) была полностью израсходована ассигнованная на этот год сумма (3000 руб.) и был обследован значительный участок – весь северо-запад Европейской России (рис. 2), фактически треть маршрута была пройдена. К великому сожалению, успешно начатый проект «поскользнулся на лимонной корке». Его погубило предвзятое (Калайдович, 1823) и недостаточно квалифицированное (академик Н.И. Фусс) рецензирование (Володина, 2012; Клейн, 2010).

В историографических работах З.Я. Ходаковскому отдается должное, как «первопроходцу», но акцентируется ошибочность его интерпретации городищ как святилищ (Формозов, 2007. С. 28). А так ли это?

Мелкая глиняная пластика (зоо- и антропоморфная, а также «мелкопредметная» – миниатюрные сосуды, модели «рогатых кирпичей», «хлебцы», имитации зерен культурных злаков и пр.), которую исследователи обоснованно считают культовой, найдена на городищах в пределах огромного пространства Восточной Европы от лесостепной полосы до «глубин» лесной зоны в Прикамье и на Верхней Волге. Этим находкам посвящена значительная научная литература (Белая, 2011; Белая, 2017; Воропаева, 2009; Воропаева, Гавриш, 2009; Гендуне, 1906; Голдина и др., 2013; Колобова, 2006; Кренке, 1989; Кренке, 2011; Сарапулкина, 2010; Черных, Колобова, 2006; Шрамко, 1957; Шрамко, 1987; Шрамко, 1999).

Важно отметить, что ареал мелкой глиняной пластики со сходным набором изображений перекрывает условные границы проживания финно-угорских и индоевропейских народов, выделенных археологами.

Уральскими горами ареал мелкой глиняной пластики отнюдь не ограничивается, но в Сибири её формы всё же несколько иные (Чемякин, 2013).

Во многих случаях исследователям не хватало «широты взгляда», очевидные «перекрестные» аналогии из отдаленных регионов отмечались далеко не всегда. Таким образом, единый «феномен» разрывается на куски по территориальному принципу.

Если абстрагироваться от нюансов variability форм мелкой глиняной пластики, то можно думать, что огромная территория бассейнов Волги и Днепра и Дона входила в один культурный ареал, где были распространены очень сходные идеологические представления, материализовавшиеся сходным образом (рис. 3).

«Сила проницаемости» у глиняной пластики оказалась выше, чем у скифского звериного стиля и даже выше, чем у модных типов вооружения.

Важно отметить также, что в западной части этого ареала в бассейне верхнего Днепра и верхней Оки «конкурентами» глиняной пластики явились бронзовые фигурки животных (лошадки и пр.), которые, видимо, надо рассматривать вместе с глиняными в едином блоке.

Следовательно, посыл З.Я. Ходаковского, что в городищах надо искать святилища, был отнюдь не ошибочен, просто действительность оказалась сложнее. Комплексы святилищ и их атрибуты присутствуют на городищах, но не на всех. Они локализованы в определенных местах памятника, не обязательно попадают в раскопы при фрагментарных раскопках поселений. Святилища локализуются не только на городищах, но и в иных местах.

ЛИТЕРАТУРА

Белая (Воропаева) Н.Н., 2011. Глиняная пластика скифского времени Днепро-Донской лесостепи. Автореф. канд. дисс... ист. наук М., 2011. 28 с.

Белая Н.Н., 2017. История изучения глиняной пластики раннего железного века Евразии // Известия ВГПУ. № 4. С. 107–109

Володина А.А., 2012. Проект ученого путешествия по России З.Я. Доленги-Ходаковского в первой четверти XIX в. // Вестник Рязанского Гос. Университета им. С.А. Есенина. История и археология. Рязань. Вып. 34. С. 77–86

Воропаева Н.Н., 2009. Культовая скульптура населения лесостепного Подонья в скифское время в контексте синхронных памятников сопредельных территорий // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. Т.3 (1944–2007). М.: ИА РАН. С. 112–125.

Воропаева Н.Н., 2011. Культовые комплексы городища Большое Сторожевое на Среднем Дону // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (45). С. 102–106.

Воропаева Н.Н., Гавриш П.А., 2009. Глиняная антропоморфная и зооморфная пластика середины I тыс. до н. э. Кнышовского городища // РА. № 4. Москва. С. 142–148.

Гендуне Ю.Г., 1906. Городище Топорок Тверской губернии Корчевского уезда. Тверь. 15 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева, О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А., 2013. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье. Ижевск. 184 с.

Калайдович К.Ф., 1823. Письма об археологических исследованиях в Рязанской губернии. М. 75 с.

Клейн Л.С., 2010. Поборник дохристианской «славянщины» Зориан Ходаковский // Развитие личности. № 2. С. 125–146

Колобова Т.А., 2006. Глиняная пластика Прикамья: Автореф. дисс. .. канд. ист. наук Ижевск. 27 с.

Кренке Н.А., 1989. Глиняная пластика и некоторые особенности позднедьяковских городищ Подмосковья // СА. № 2. С. 79–87

Кренке Н.А., 2011. Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН. 548 с.

Погодин М.П., 1871. Древняя Русская история до монгольского ига. Т.3. М.

Сарапулкина Т.В., 2010. Городецкая культура на Верхнем и Среднем Дону. Автореф. канд. дисс. ... ист. наук. М. 25 с.

Формозов А.А., 2007. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Рукописные памятники Древней Руси. М. 184 с.

Чемякин Ю.П., 2013. Антропоморфные глиняные фигурки белоярской культуры // Вестник Пермского университета. История. № 1 (21). Пермь. С. 48–52.

Черных Е.М., Колобова Т.А., 2006. Глиняные фигурки Зуевключевского I городища и некоторые вопросы их назначения и семантики // РА. № 4. С. 145–151.

Шрамко Б.А., 1957. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке //СА. № 1. С. 178–198.

Шрамко Б.А., 1987. Бельское городище Скифской эпохи (город Гелон). Киев. Наукова Думка. 184 с.

Шрамко Б.А., 1999. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. № 3. С. 35–49.

Рис. 1. Предполагаемый маршрут для изучения городищ (по Ходаковский, 1820):

Нева – Тосна – Ст. Ладога – Новгород – Вотская – Деревская пятины – ст. Русса – Осташков – р. Обша – р. Москва – р. Протва – Калуга – Козельск – Тула – Орел – Карачев – Брянск – р.Надва – Стародуб – Новгород-Северский – Лебедин – Харьков – Азовское поморье – Бахмут – р. Сал – Саркел – Воронеж – Курск – Орел – Тула – Старая Рязань – Касимов – Муром – Вязники – Ковров – Владимир – Суздаль – Юрьев-Польской – оз. Неро – Углич – оз Клешино – Радонеж – Москва – Волоколамск – Старица – Тверь – Бежецк – Весьегонск – Белозерск – Вологда – Кострома – Галич Мерский – Городец – Нижний Новгород – р. Мокша – Болгар – Поморье Каспийское – Казань – устье Ветлуги

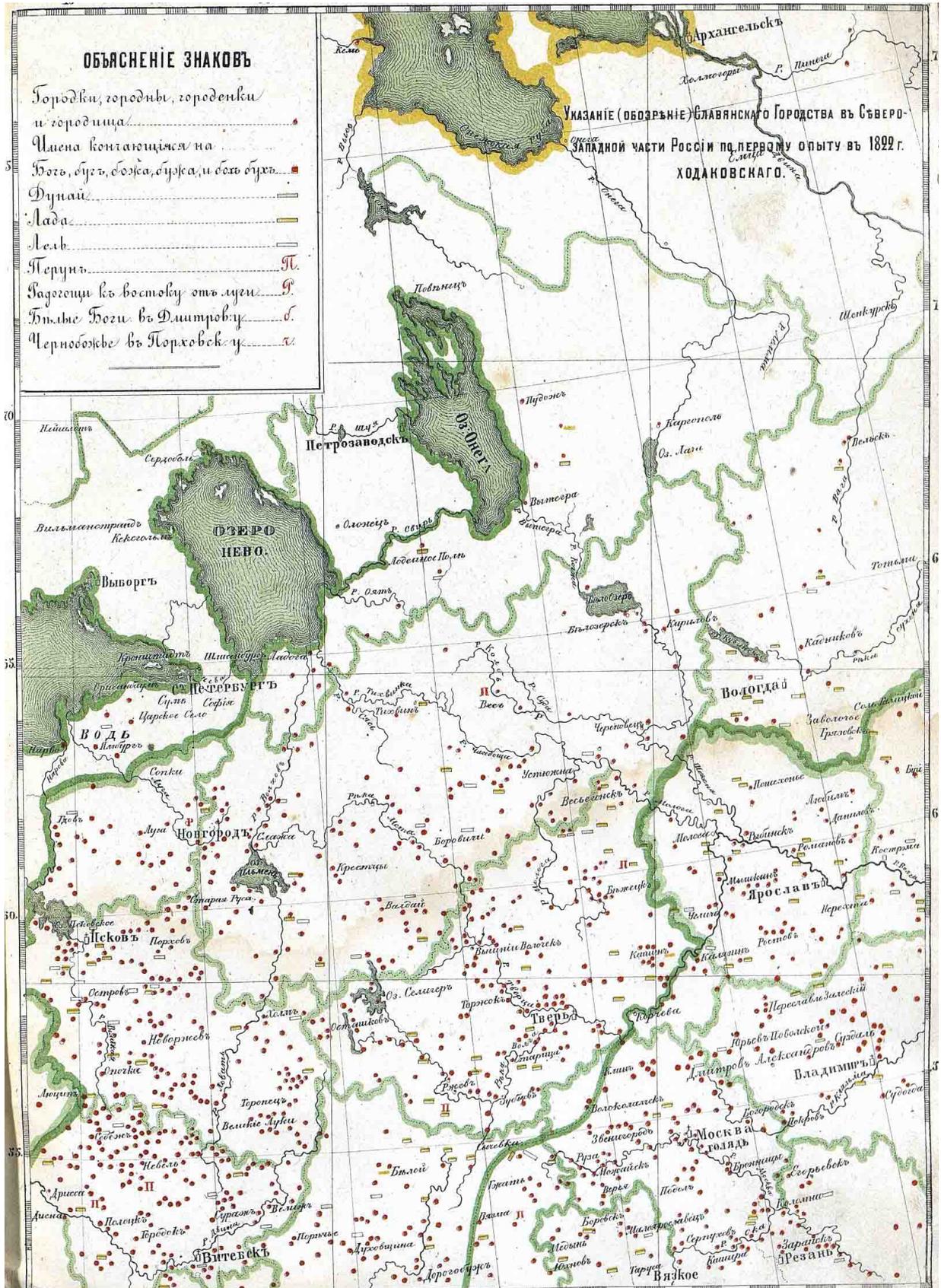

Рис. 2. Карта городищ северо-запада Европейской России Ходаковского (по Погодин, 1871).

Рис. 3. Мелкая глиняная пластика с городища Топорок (по Гендуке, 1906).

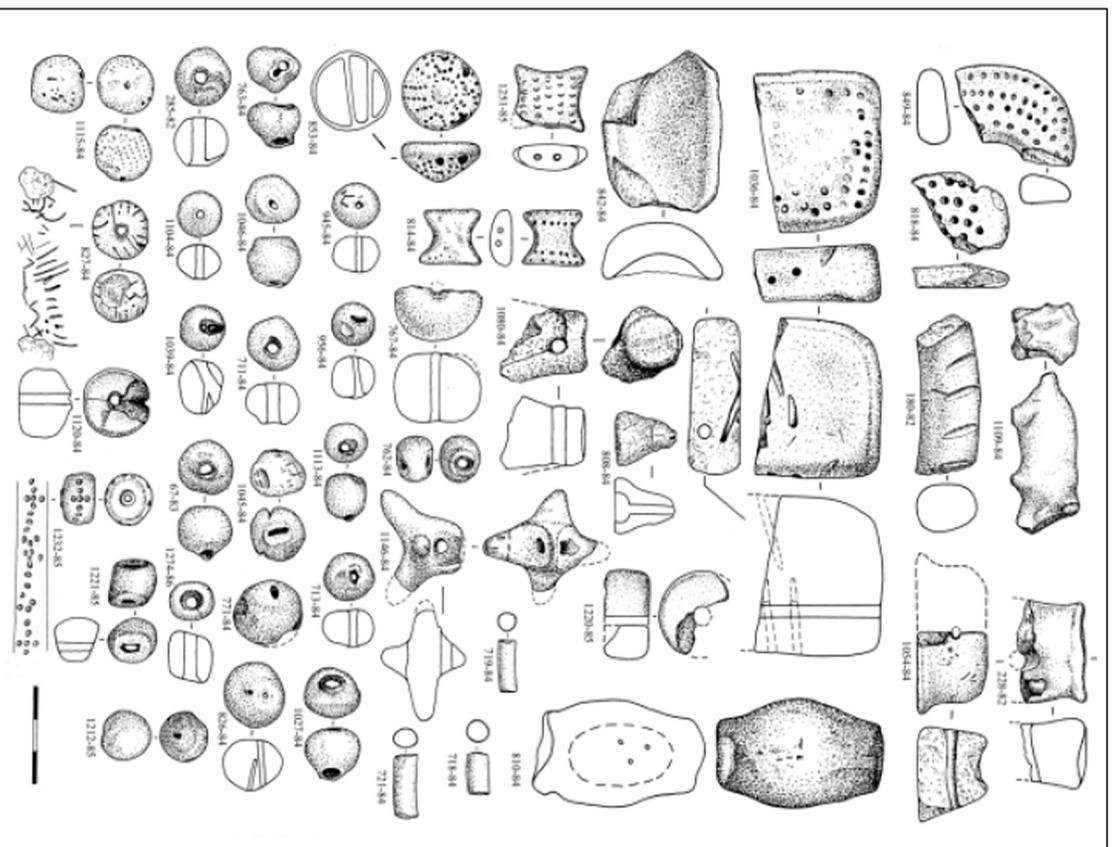

Рис. 4. Мелкая глиняная пластика с городища Дьяково, нижний слой (по Кренке, 2011), Тарасовского святилища в Прикамье (по Голдина и др., 2013)

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ОКСКОЙ ТРАДИЦИИ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕВОРОНЕЖСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ

В предварительных публикациях материалов верхневоронежской культурной группы указывалось, что ее памятники составляют две линии – типа Ярок и круга Кривец, отличающиеся по структуре керамического комплекса и хронологии. На первых, которые датируются в широких рамках концом V–VII вв., кроме окского набора представлена раннеславянская керамика (посткиевской традиции с пеньковскими элементами) и, возможно, постчерняховская. Вторые датируются второй – третьей четвертью VII в. На них встречена керамика окского набора и колочинского круга (Гавритухин, Обломский, 2018. С. 136–140).

В качестве основы типологии форм использована схема, которая применялась при описании керамики из Замятинского и Ксизовского комплексов верхнедонских памятников гуннского времени (Острая Лука, 2004. Табл. 1. Рис. 134; 2015. С. 95–103). Анализ профилировки сосудов заставил отказаться от отдельной классификации лощеной керамики. По структуре профиля она аналогична кухонной (включая большинство форм мисок)¹.

Описание форм

I, 1, а, а, округлобокие миски. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки – плавный, участок между шейкой и бочком – выпуклый или почти прямой, участок ниже места наибольшего расширения тулова – слегка выпуклый или прямой, у двух сосудов – отчетливо выпуклый. Все целые формы – широкодонные. Пять мисок происходят из Стаево-5 (все – лощеные) (рис. 2: 6–11), одна миска с шероховатой поверхностью найдена в Кривце-4 (рис. 3: 11).

¹ Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ № 18-09-00376 «Исследование раннесредневекового торгово-ремесленного центра в Верхнем Подонье (вторая половина V–VII вв.)»

Прототипы таких мисок достаточно часто встречаются на памятниках типа Чертовицкое-Замятино (Острая Лука, 2004. С. 151; 2015. С. 101 – тип 2), где имеют параллели в мощинской и позднедьяковской культурах.

I, 1, а, а, особая форма. Округлобокие горшки. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки – плавный, дуга от шейки до места наибольшего расширения тулова – выпуклая, стенки нижней части – прямые, слегка вогнутые или выпуклые. Характерная особенность – выступ ниже шейки, но выше места наибольшего расширения тулова. В Стаево-5 представлена шестью сосудами (рис. 1: 1–5, 7). Один из них имеет подлощенную поверхность, еще один – лощеную. В Кривце-4 встречены 2 таких горшка, но выступ у них выделен резче, а профиль – более сглаженный (рис. 3:1, 2).

На мощинских памятниках подобные формы имеются как в груболепном, так и в лощеном вариантах (Воронцов, 2013. Рис. 23: 1; 28: 2; 53а; 53б). Они известны вплоть до финала культуры, о чем свидетельствуют материалы скопления 2 городища Акинъшино (Воронцов, 2016. С. 225. Рис. 15: 1). Встречаются аналогичные формы на памятниках т.н. постдьяковского периода VI–VII (VIII?) в. (Кренке, 2016. С. 282, 283; Чернов, Волков, 2009. Рис. 10: 1631; 11: 1593), а также в слое штурма Тереховского городища рязано-окской культуры середины – третьей четверти VII в. (Ахмедов, 2016. С. 68. Рис. 4: 9). Найдены обломки подобных сосудов и в верхнем слое городища Ростиславль, который отложился выше горизонта пожара середины I тысячелетия н. э. (Тавлинцева, 2010. Рис. 3: 6, 14, 17).

I, 1, а, а, особая форма. Округлобокие миски. Форма аналогична. Одна из них найдена на поселении Стаево-5 (рис. 1: 6), вторая – в Кривце-4 (рис. 1: 3). Обе – с шероховатой поверхностью. Прототипы этих мисок также встречены на донских памятниках круга Чертовицкое-Замятино, например, на поселениях Ксизово-17Б (Острая Лука, 2015. Рис. 185: 15). В Среднем Поочье происходят из горизонта пожара городища Ростиславль середины

I тысячелетия н.э. (Тавлинцева, 2010. Рис. 2: 2, 7), к северу от р. Оки – из комплекса гладкостенной и лощеной керамики Кикинского городища (Вишне夫斯基, 2007. С. 92. Рис. 9: 3).

I, 1, в, горшки. Округлобокие, признаки такие же, как и у предыдущего таксона. Венчик прямой, гладкий, отогнут наружу. Шейка – плавная, иногда довольно резкая. В Стаево-5 к этому таксону относятся три горшка, один из них – лощеный (рис. 1: 8–10).

I, 1, г, горшки. Отличается от предыдущего наличием закраины на венчике. В Стаево-5 такую форму имеет один груболепной горшок (рис. 1: 11), в Кривце-4 – тоже один (рис. 3: 10).

Обе эти формы весьма широко распространены на памятниках типа Чертовицкое-Замятино. В середине I тыс. н. э. такие сосуды известны на городище Ростиславль (Тавлинцева, 2010. Рис. 2: 10), на поселении и могильнике Соколова Пустынь (Потемкина и др., 2019. Рис. 2: 1, 3, 6, 7, 10; 5: 2), в скоплении 2 городища Акиньюшино (Воронцов, 2016. Рис. 16: 1, 2). По В.В. Гришакову формы горшков, близкие к I, 1, в (таксоны А5и и А8и по его классификации) распространены на четвертом этапе рязано-окских могильников (V–VII вв.) (Гришаков, 1993. С. 18, 19, 80. Рис. 7: 8, 9). К таксону I, 1, в относится горшок, в котором был сокрыт Ёлшинский клад VII в. (верховья р. Прони правого притока р. Оки). Сосуд формы I, 1, г происходит из очень позднего погребения 66 Старо-Кадомского могильника вместе с деталями геральдической ременной гарнитуры (Ахмедов, 2010. Рис. 4).

К северу от р. Оки такая керамика встречена на Кикинском городище в наборе гладкостенной посуды (Вишне夫斯基, 2007. С. 86).

I, 1, г, миски. По форме аналогичны горшкам предыдущего таксона. Два экземпляра происходят из Кривца-4 (с заглаженной и лощеной поверхностью) (рис. 3: 8, 9), на памятниках линии Ярок пока не найдены. Низкие и высокие миски таких форм известны на памятниках типа

Чертовицкое-Замятино Подонья (Острая Лука, 2004. С. 151; 2015. С. 101–102).

I, 6, вариант 1, горшки. Венчик – почти прямой, иногда имеет выраженную закраину, перегиб шейки – резкий, бочок – округлый, очень короткий, сведенный почти в уступ. Из Стаево-5 происходят обломки восемь таких сосудов (три из них лощеные), из Стаево-4 – три (из них один – лощеный, еще один – подлощенный) (рис. 1: 12–21), из Кривца-4 – два (один – лощеный и один подлощенный) (рис. 3: 4, 5).

I, 6, вариант 2, горшки. Признаки – те же, что и у предыдущего таксона, отличие – в форме бочка. Он имеет вид резкого ребристого уступа. Фрагменты таких сосудов найдены в Стаево-4, Стаево-5, Красном Городке-4 (по одной форме) (рис. 1: 22–24).

I, 6, вариант 2, миски. По форме аналогичны горшкам, описанным выше. По одной миске происходят из Стаево-5 (рис. 1: 25) и Кривца-4 (рис. 1: 26).

Выразительная серия сосудов таксона I, 6 происходит из комплексов памятников памятников у с. Замятино и Ксизово. В позднеримское время сосуды этой формы имеют истоки в древностях мощинской и рязано-окской (в меньшей степени) культур (Острая Лука, 2004. С. 150; 2015. С. 98, 99, 297).

В раннем средневековье на территории мощинской культуры обломки горшков подобной профилировки известны в двух самых поздних комплексах городища Акинъшино (скопление 2 и постройка 11) (Воронцов, 2016. Рис. 15: 5, 6, 12; 16: 3, 4; 19: 3). В междуречье Оки и Волги такие формы встречены на поселениях Бородино, Болшево-3, на Кикинском городище (Вишневыский, 2007. С. 86. Рис. 3; 4: 5; Кренке, 2016. Рис. 44: 5, 8, 10; 45: 1, 2).

Миски подобной формы с уступами под шейкой происходят из раннесредневековых напластований Тереховского городища на Средней Оке.

II, 3, ребристые горшки. Венчик изогнут, отогнут наружу, перегиб в месте шейки – плавный, участок от шейки до бочка – вогнутый, участок профиля ниже ребра – выпуклый. Все сосуды – с шероховатой поверхностью.

Целая форма и обломки двух горшков происходят из Стаево-5, фрагмент еще одного – из Лав (древний Елец) (рис. 2: 1, 2, 4).

II, 3, аналогичные по форме ребристые миски. Фрагменты трех таких лощеных мисок найдены в Стаево-5, одна происходит из Кривца-4 (рис. 2: 3, 5; 3: 12).

Миски такой профилировки известны на поселениях типа Чертовицкое-Замятино, в позднееримское время встречены на памятниках позднедьяковской и мощинской культур (Острая Лука, 2015. С. 102).

Целый горшок подобной формы происходит из поздней постройки 11 городища Акиньшино (Воронцов, 2016. Рис. 19: 1). Сосуд аналогичной формы по данным В. В. Гришакова (таксон А5н по его классификации) найден в погребении 86 могильника Шатрищи, которое он датирует V–VI в. (Гришаков, 1993. С. 18, 19, 80. Рис. 7: 5). К северу от р. Оки обломок ребристого сосуда, близкого к типу II, 3, происходит из раннесредневекового Ратьковского могильника (Вишневский, Кирьянова, Добровольская, 2007. С. 96. Рис. 4: 19).

Выводы

Все формы горшков и мисок памятников типа Яроч имеют прототипы в древностях круга Чертовицкое-Замятино.

Практически все формы сосудов из Кривца-4, кроме горшков II, 3, находят параллели на памятниках линии Яроч. Фактически мы имеем дело с одним и тем же набором посуды, по крайней мере, на уровне сравнения форм.

Существенное различие керамики окского круга донских древностей типа Чертовицкое-Замятино гуннской эпохи и верхневоронежских заключается в отсутствии в наборе посуды последних ребристых мисок с высокими прямыми венчиками, характерными для мощинской культуры, которые на памятниках гуннского времени Подонья достаточно широко распространены (Острая Лука, 2004. С. 151–152; 2015. С. 297). По всей видимости, происходит переориентация связей в рамках региона: мощинское влияние на верхнедонские памятники в раннем Средневековье становится слабее, если не исчезает вовсе.

Керамические наборы Поочья и Москворечья, в которых имеются параллели сосудам «окской» традиции верхневоронежской группы, специалисты относят к разным археологическим общностям, причем зачастую речь идет об одних и тех же памятниках. На городище Акиньшино обнаружены самые поздние мощинские комплексы из известных (скопление 2 и постройка 11 – первая половина VII в.) (Воронцов, 2016). Керамика из слоя пожара городища Ростиславль, по мнению Е.Ю. Тавлинцевой, характерна для всего москворецко-окского региона (мощинские и позднедьяковские древности), а также для ряда памятников Верхней Волги (Тавлинцева, 2010. С. 27). Материалы Соколовой Пустыни авторы публикации расценивают как новое явление раннего Средневековья на территории между мощинскими и рязано-окскими памятниками (Потемкина и др., 2019. С. 75). Ратьковский могильник по погребальному обряду имеет параллели в раннесредневековых финских сожжениях Поволжья, а в наборе вещей присутствуют предметы, характерные для рязано-окских, мерянских, муромских могильников, позднедьяковских городищ (Вишневский и др., 2007. С. 100, 101, 106). Кикинское городище автор публикации отнес к позднедьяковской культуре (Вишневский, 2007 С. 92). Принадлежность могильников Шатрищи, Старый Кадом и городища Терехово к рязано-окской культуре сомнений не вызывают. Весьма плодотворна идея Н.А. Кренке, который объединил Болшево-3, Бородино, Акиньшино, Кикинское городище и Соколову Пустынь в некий тип постдьяковских древностей (Кренке, 2016. С. 282, 283).

Таким образом, деление на культурные группы раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поочья не устоялось. Я разделяю точку зрения Е.Ю. Тавлинцевой и Н.А. Кренке о некоем общем круге древностей раннего средневековья этого довольно обширного региона. К нему относится и лепная керамика «окской» традиции верхневоронежской группы.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., 2010. Проблема «финального» периода культуры рязано-окских финнов (к современному состоянию вопроса) //Археология Восточной Европы в I тыс. н. э. Проблемы и материалы / Ред. И.В. Исланова, В.Е. Родинкова. М.: ИА РАН. С. 7–34. (РСМ. Вып. 13).

Ахмедов И.Р., 2016. Византийские и славянские находки в рязано-окских древностях // Древности Поочья. Сборник научных работ к 60-ти летию В.В. Судакова / Ред. А.О. Никитин. Рязань: РИКО. С. 64–87.

Вишневский В.И., 2007. Керамический комплекс посуды Кикинского городища //Тверской археологический сборник. Вып. 6. Ч. 2. Тверь: Тверской государственный объединенный музей. С. 85–93.

Вишневский В.И., Кирьянова Н.А., Добровольская М.В., 2007. Ратьковский раннесредневековый финно-угорский могильник: хронология, культура, обряд // РА. № 2. С. 89–107.

Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V вв. на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в I тыс. н. э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова М: ИА РАН. С. 221–260. (РСМ. Вып. 17).

Гавритухин И.О., Обломский А.М., 2018. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж // МАИЭТ. Вып. XXIII. С. 135–206.

Гришаков В.В., 1993. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего средневековья. Йошкар-Ола: МарГУ. 194 с.

Кренке Н.А., 2016. Позднелдыжковская культура на территории бассейна Москвы-реки // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А.М. Обломский, И.В. Исланова М: ИА РАН. С. 261–332. (РСМ. Вып. 17).

Острая Лука Дона в древности, 2004. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. / Ред. А.М. Обломский. М: ИА РАН. 330 с. (РСМ. Вып. 6).

Острая Лука Дона в древности, 2015. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV–V в.) / Ред. А.М. Обломский. М.: ИА РАН. 660 с. (РСМ. Вып. 16).

Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., Добровольская М.В., Свиркина Н.Г., 2019. Новые данные по погребальному обряду населения Среднего Поочья в середине – второй половине I тыс. н. э. // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 4. Ч. 2 / Ред. И.О. Гавритухин, А.М. Воронцов. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 72–83.

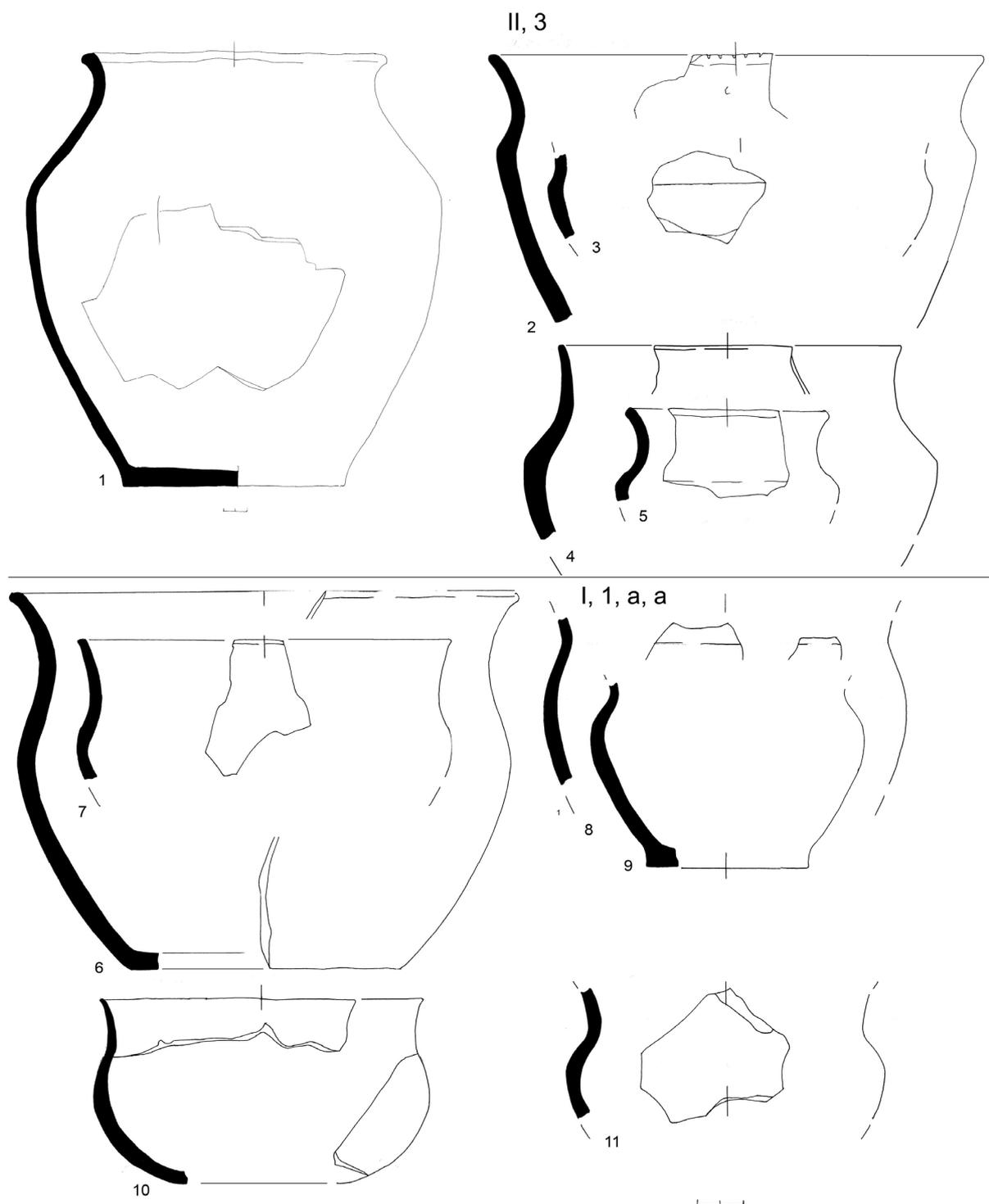
Тавлинцева Е.Ю., 2010. Городище Ростиславль – горизонт пожара середины I тысячелетия н. э. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 6 / Ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН. С. 24–33.

Чернов С.З., Волков И.В., 2009. Болшево-3 – древнерусское поселение XI в. на верхней Клязьме // Археология Подмосковья. Вып. 5. М.: ИА РАН. С. 112–136.

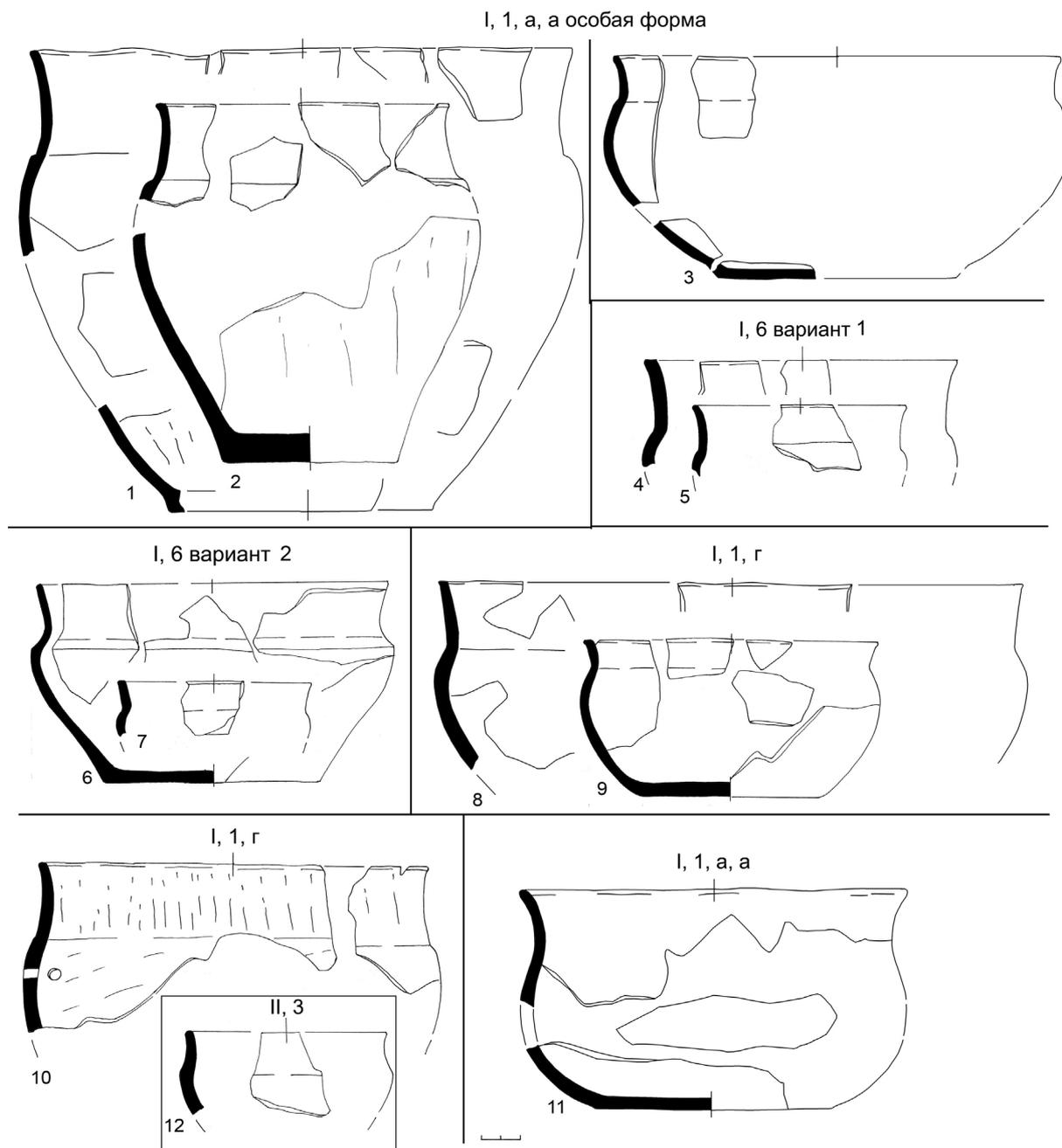
Рис. 1. Керамика памятников линии Яроч

1, 6, 14, 25 – Стаево-5, раскоп 6, объект 3; 2, 5, 7, 15, 16, 18–21 – Стаево-5, культурный слой; 3, 12, 17, 24 – Стаево-4, культурный слой; 4 – Стаево-5, раскоп 6, объект 21; 13, 22 – Стаево-5, раскоп 6, объект 2; 23 – Красный Городок-4, культурный слой; 1, 12 – с подлощенной поверхностью; 2–6, 13, 14, 19–22, 24 – с шероховатой поверхностью; 7, 15–18, 23 – с лощеной поверхностью; 25 – с заглаженной поверхностью.

Рис. 2. Керамика памятников линии Ярок

1 – Стаево-5, раскоп 9, скопление 3; 2, 3, 5, 9, 11 – Стаево-5, культурный слой; 4 – Лавы (древний Елец), культурный слой; 6 – Стаево-5, раскоп 9, скопление 1; 7 – Стаево-5, раскоп 9, объект 19; 8 – Стаево-5, раскоп 6, объект 21; 10 – Стаево-5, раскоп 6, объект 3; 1, 2 – с шероховатой поверхностью; 3, 5–11 – с лощеной поверхностью; 4 – с подлощенной поверхностью.

Рис. 3. Керамика поселения Кривец-4.

1, 3, 8, 11 – раскоп 2, постройка 1; 2 – раскоп 3, яма 62; 4 – раскоп 2, скопление 1; 5, 7 – культурный слой; 6 – раскоп 1, постройка 2; 9 – «погребение» 1; 10 – раскоп 3, скопление 4; 12 – раскоп 3, яма 38; 1–4, 10, 11 – с шероховатой поверхностью; 5, 6 – с подлощенной поверхностью; 7, 9 – с лощеной поверхностью; 8 – с заглаженной поверхностью.

О.С. Румянцева, А.А. Трифонов

О СОСТАВЕ ЭМАЛЕЙ ТЕЗИКОВСКОГО И АБРАМОВСКОГО МОГИЛЬНИКОВ¹

Среди проблем археологии Волго-Окского региона первой половины – середины I тысячелетия н.э. ведущее место занимают вопросы распространения импортных изделий и инокультурных элементов, их происхождения и влияния на генезис местных культур. К таким находкам, вызывающим в последнее время особенный интерес исследователей, относятся украшения круга восточноевропейских выемчатых эмалей. Небольшая серия результатов анализа химического состава эмалей, которые мы публикуем, важна в свете проблемы происхождения импортных украшений из ареала древнемордовской культуры.

Анализ состава эмали трех находок из Тезиковского и Абрамовского могильников был изучен на сканирующем электронном микроскопе Carl Zeiss EVO LS 10, оснащенный энергодисперсионным рентгеноспектральным анализатором Aztec X-Max Oxford Instruments в ФГБНУ НИИ ГБ им. Гельмгольца (SEM-EDS) (описание методики исследования см: Румянцева и др., 2018. С. 200–201).

Подвеска ромбической формы с треугольными выступами на концах, украшенными красной эмалью (рис. 1: 1; 2: 1), происходит из погребения 41 Тезиковского могильника на Верхней Мокше, которое датируется концом III – первой половиной IV в. (Полесских, 1966. С. 272–273. Рис. 3: 22; Ахмедов, 2018. С. 149. Рис. 114: 5). Аналогичные подвески хорошо известны в Поднепровье и на Осколе; они относятся ко второй стадии развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей конца II–III вв. (возможно, исключая конец столетия) (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 119–123; Ахмедов, 2018. С. 149, там же см. ссылки на литературу).

---

¹ Работа подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40093

Две изученные находки происходят из Абрамовского могильника на р. Теше, правом притоке р. Оки².

Литая подковообразная фибула небольшого размера (5,1 x 4,5 см), с центральным эмалевым гнездом прямоугольной формы и пластинчатой иглой (рис. 1: 2; 2: 2) происходит из погребения 14. Эмаль красная непрозрачная. Данная находка отнесена И.Р. Ахмедовым к разновидности 1 украшений данного типа из Поочья и Поволжья (2018. С. 154). Захоронение относится к III хронологическому горизонту могильника середины – второй половины IV в. (Ставицкий, Шитов, 2013. С. 260–261), однако по типологическим признакам в исследуемом регионе она может быть датирована III в., являясь одной из наиболее ранних разновидностей распространенных здесь подковообразных застежек (Ахмедов, 2018. С. 157).

Двурогая подвеска-лунница с корпусом дугообразной формы, большую часть которого занимает эмалевая вставка, и круглыми дисковидными окончаниями, также с эмалевыми вставками (рис. 1: 3; 2: 3), снабженными полукруглыми выступами, происходит из погребения 59³. Эмаль красная непрозрачная. Находка относится ко второй стадии развития стиля (Обломский, Терпиловский, 2007. С. 119–123), однако она происходит из погребения IV хронологического горизонта могильника конца IV – начала V в. (Ставицкий, Шитов, 2013. С. 62).

Таким образом, все три находки относятся к средней стадии развития стиля восточноевропейских выемчатых эмалей конца II–III вв., при этом все они происходят из более поздних комплексов, «переживая» время распространения украшений данного этапа (Ахмедов, 2018. С. 157). Присутствие находок круга эмалей в Среднем Поочье и Окско-Сурском междуречье исследователи связывают с продвижением на восток групп

---

2 Выражаю благодарность В.В. Гришакову за оказанную мне помощь в ознакомлении с находками из Абрамовского могильника

3 Лунница наклеена на кусок плотной бумаги, на которой от руки написан адрес: «Абр-71 п 59 № 3». Вероятно, это было сделано одним из сотрудников экспедиции М.Ф. Жиганова, изучавшей могильник. В связи с этим ее происхождение не вызывает сомнений.

носителей позднезарубинецкой и раннекиевской культур на раннем этапе (в первой половине III в.) и с контактами местного населения с носителями мощинской и позднедьяковской культур в более позднее время (Ахмедов, 2018. С. 150, 157; Ахмедов, Белоцерковская, 2019. С. 142–144).

Состав эмалей (табл. 1) может указывать на происхождение самих вещей, обнаруженных в исследуемых комплексах. Все три изученные образца отличаются основным составом, типичным для красного стекла и эмали, с высоким, более 1,5%, содержанием оксидов калия и магния. Этот признак указывает на использование при производстве стекла растительной золы (Галибин, 2001. С. 69). В случае с красным непрозрачным стеклом речь, вероятно, идет о ее применении не как основного компонента шихты при варке стекла, а как технологической добавки, способствовавшей цветообразованию. Для этого могла использоваться зола топлива печи на этапе окрашивания (Freestone et al., 2003; Schibille et al., 2012). Все образцы окрашены медью и содержат примесь сурьмы, олова, а также довольно высокую концентрацию железа, что также типично для изученных ранее восточноевропейских эмалей (Румянцева и др., 2018; в печати). Разница в составе образцов фиксируется по содержанию свинца, являющегося одновременно наиболее изменчивым и самым значимым признаком (Румянцева и др., в печати).

Эмаль лунницы из Абрамовского могильника и ромбовидной подвески из Тезиковского содержат 6,4 и 11,4 PbO (Табл. 1: 1, 3). Подобная концентрация типична для всех изученных на сегодня красных днепровских эмалей средней стадии развития стиля (Румянцева и др., 2018; в печати), подтверждая их происхождение из данного региона.

Эмаль подковообразной фибулы из Абрамовского могильника (табл. 1: 2) отличается низким содержанием оксида свинца (0,2 %). На сегодня подобный состав (менее 1% PbO) зафиксирован в красной эмали обеих изученных нами прибалтийских находок. Он также отличается не характерные для круга восточноевропейских эмалей украшения и типичен

для «не эмалевого» красного стекла бус, мозаичной смальты и прочих изделий из разных регионов (Румянцева и др., в печати). Близкие аналогии подковообразной фибуле из Абрамовского могильника действительно есть среди украшений из Прибалтики (Битнер-Врублевска, 2019. Рис. 1: 1; 4: 4; Хомякова, 2019. Рис. 2), поэтому ее прибалтийское происхождение представляется весьма вероятным. Однако для более обоснованных выводов необходима более репрезентативная выборка результатов анализов, над созданием которой мы продолжаем работать в настоящее время.

ЛИТЕРАТУРА

Ахмедов И.Р., 2018. Находки круга восточноевропейских эмалей на Волге и Оке // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М. – Вологда. С. 146–158. (РСМ. Вып. 18).

Ахмедов И.Р., Белоцерковская И.В., 2019. Находки круга «восточноевропейских» эмалей и некоторые вопросы формирования культурного комплекса рязано-окских финнов // КСИА. Вып. 254. С. 128–152.

Битнер-Врублевска А., 2019. Хронология восточноевропейских изделий с выемчатыми эмальями в Прибалтике и на территории вельбарской и пшеворской культур // КСИА. Вып. 254. С. 171–190.

Галибин В.А., 2001. Состав стекла как археологический источник. СПб: Петербургское востоковедение. 216 с.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 2007. Предметы убора с выемчатыми эмальями на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г.Ф. Корзухиной, И.К. Фролова и Е.Л. Гороховского) // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М: ИА РАН. С. 113–141. (РСМ. Вып. 10).

Полесских М.Р., 1966. Тезиковский могильник IV–V вв. // Исследования по

истории, этнографии и археологии Мордовской АССР. Труды МНИИЯЛИЭ, XXX. Саранск: Мордовское книжное издательство. С. 268–296.

Румянцева О.С., Трифонов А.А., Ханин Д.А., 2018. Глава 15.1. Химический состав стекла эмалевых вставок и бус // Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) / Отв. ред. А.М. Обломский. М. – Вологда. С. 199–220. (РСМ. Вып. 18).

Румянцева О.С., Сапрыкина И.А., Воронятов С.В., Трифонов А.А., Ханин Д.А., в печати. Химико-технологический анализ предметов убора с выемчатыми эмалями из собрания Государственного Эрмитажа // РА.

Ставицкий В.В., Шитов В.Н., 2013. Планиграфия и хронология Абрамовского могильника // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 3. III Международная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения российского археолога А. Е. Алиховой (7–8 декабря 2012 года) / Ред. Г.Н. Белорыбкин, В.В. Ставицкий. Пенза: Пензенский государственный краеведческий музей. С. 255–278.

Хомякова О.А., 2019. Украшения круга эмалей из коллекции музея «Пруссия» // КСИА. Вып. 254. С. 227–252.

Freestone I.C., Stapleton C.P., Rigby V., 2003. The Production of Red Glass and Enamel in the Late Iron Age, Roman and Byzantine Periods // Through a Glass Brightly: Studies in Byzantine and Medieval Art and Archaeology Presented to David Buckton / Ed. C. Entwistle. Oxford: Oxbow Books; Oakville: David Brown Book Company. P. 142–154.

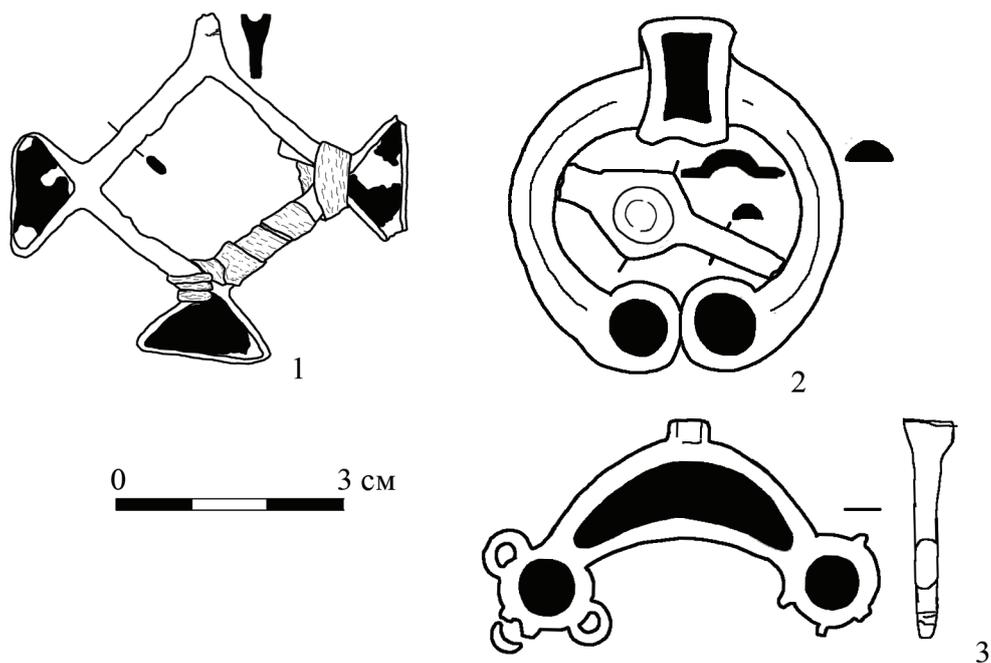
Schibille N., Degryse P., Corremans M., Specht C.G., 2012. Chemical Characterisation of Glass Mosaic Tesserae from Sixth-Century Sagalassos (South-West Turkey): Chronology and Production Techniques // JAS. Vol. 39(5). P. 1480–1492.

№ п/п	Образец	Название находки	Место находки	Na2O	MgO	Al2O3	SiO2	P2O5	SO3	Cl	K2O	CaO	TiO2	MnO	Fe2O3	CuO	SnO2	Sb2O5	PbO
1	Тез-1	подвеска	Тезиковский м-к, погр. 41	9,51	2,40	2,27	54,24	1,21	—	0,87	4,21	8,32	0,18	0,32	1,39	1,98	0,32	0,41	11,36
2	Абр-1	подко-воо-бразная фибула	Абрамовский м-к, погр. 14	15,72	2,64	2,18	59,64	0,79	0,18	0,86	2,12	10,57	0,14	0,30	1,15	1,74	0,18	0,46	0,22
3	Абр-2	лунница	Абрамовский м-к, погр. 59	13,59	2,04	2,59	58,32	0,58	0,08	0,69	1,95	7,93	0,18	0,24	1,39	2,21	0,19	0,52	6,43

Таблица 1. Результаты анализа химического состава красной непрозрачной эмали методом SEM-EDS.

Примечания. Содержания элементов приведены в массовых % оксидов, содержание хлора - в массовых %. Содержания олова и сурьмы в приведенных концентрациях определяются методом SEM-EDS со значительной погрешностью.

«—» — ниже пределе обнаружения

Рис. 1. Находки с эмалью, рассмотренные в публикации. Рисунок.

1. Тезиковский могильник, погребение 41 (раскопки М.Р. Полесских, фонды ПГКМ). 2–3. Абрамовский могильник, погребения 14, 59 (раскопки М.Ф. Жиганова, фонды СОИКМ).

Рис. 2. Находки с эмалью, рассмотренные в публикации. Фото.

1. Тезиковский могильник, погребение 41 (раскопки М.Р. Полесских, фонды ПОИКМ). 2–3. Абрамовский могильник, погребения 14, 59 (раскопки М.Ф. Жиганова, фонды МРОКМ).

И.А. Сапрыкина, А.В. Чугаев,
Л.А. Пельгунова, А.М. Воронцов

ИСТОЧНИКИ СЕРЕБРА В VII В. ПО ДАННЫМ ИЗОТОПНОГО
АНАЛИЗА (ПО МЕТОДУ Pb-Pb) ПРЕДМЕТОВ ИЗ КЛАДА
С ГОРОДИЩА КАРТАВЦЕВО

Вопрос источников металла для территории Окского бассейна в раннесредневековое время (как, впрочем, и для других территорий центральной части России) может решаться различными способами. К одному из них относится исследование сырьевой базы анализом изотопного состава свинца (по методу Pb-Pb) в археологических серебряных предметах. Этот метод перспективен, хотя и относительно новый в отечественной археологии. Однако в зарубежных исследованиях он имеет длительный позитивный опыт применения (Baron et al., 2011; Pernicka et al., 2016; и др.). В отечественной археологии этот метод был апробирован в работах по бронзовым изделиям скифского времени (Капитонов и др., 2007), но наиболее благоприятный результат был получен для серебряных изделий ахеменидского периода (Чугаев, Чернышев, 2012) и серебряных изделий из состава приднепровских кладов V–VII вв. (Сапрыкина и др., 2017). Методом изотопного анализа (Pb–Pb метод), позволяющим получать свинцово-изотопные «метки» для металла археологических предметов, и на основании этих данных, методом сопоставления, выявлять наиболее вероятные рудные источники, был исследован ряд серебряных украшений, найденных в составе клада на городище Картавцево (Алексинский район, Тульская область). Клад был найден в приваловой части площадки городища в 2002 г. Находчика удалось убедить передать его в фонды музея-заповедника «Куликово поле» и указать точное место его находки.

Большинство предметов из клада представляют собой подвески, выполненные из тонких металлических листов. Всего найдено двенадцать полукруглых подвесок (две фрагментированы), украшенных крупными выпуклинами (в большинстве случаев тремя) и имеющих приклепанное ушко, сделанное из бронзовой пластины. Кроме того, в клад входили две крупные трапециевидные подвески с проволочными колечками для подвешивания, украшенные одной выпуклиной в центре, три ведровидные подвески и набор красных и зеленых бус из глухого стекла (Воронцов, 2013. Рис. 73; Воронцов, 2016. С. 228–229. Рис. 25: 1–8). По всей видимости, он представляет собой убор одной женщины, спрятанный в момент опасности. Анализ подвесок, выполненный по методу неразрушающего безэталонного РФА на спектрометре M4 Tornado (Bruker), показал высокое процентное содержание серебра (Ag – 94–95%) у двух крупных трапециевидных подвесок, и содержание серебра на уровне 23–41% в металле полукруглых подвесок (Ag+CuZnPb).

Полностью идентичная входящим в состав клада полукруглая подвеска была найдена на склоне городища Картавецво при проведении исследований 2003 года (Воронцов, 2013. С. 60. Рис. 70: 2). Аналогичная подвеска, имеющая на месте выпуклин отверстия (по всей видимости, из-за плохой сохранности), происходит из постройки 4 с городища Борисово (Воронцов, 2013. С. 59. Рис. 41). К сожалению, собственных оснований для датировки эти находки не имеют.

Полной аналогией подвескам с мощинских городищ являются находки из пока не опубликованного Елшинского клада VII в. из Пронского района Рязанской области (ряд находок приведено: Воронцов, 2016. Рис. 26). По информации И.Р. Ахмедова, датировка клада основана на присутствии в его составе предметов круга днепровских кладов типа Мартыновки. В отличие от Картавецовского, Елшинский является кладом ювелира. Интересно место его находки – в верховьях р. Проня, фактически между ареалами мощинской культуры и культуры рязано-окских могильников.

Таким образом, наиболее вероятно клад из Картавцево может датироваться поздним периодом существования мощинских древностей, то есть временем около первой половины VII в. Присутствие в составе Картавцевского и Елшинского клада ведерковидных подвесок, традиционно относящихся к позднееримскому времени, по всей видимости, отражает особенности их бытования именно у мощинского населения.

Изотопный анализ (Pb–Pb метод) был сделан для 6 предметов из состава клада: для двух крупных трапециевидных подвесок, выполненных из высокопробного серебра, и для четырех полукруглых подвесок – из сплава на основе меди с присадкой серебра. Сопоставление полученных данных по изотопному составу свинца в серебре для предметов из клада с городища Картавцево с серебром из состава клада Суджа-Замостье (Сапрыкина и др., 2017. С. 50. Табл. 3), показывает их довольно близкое расположение друг от друга (рис. 1). Для серебра из Суджи-Замостья удалось реконструировать наиболее вероятный источник – месторождение Роша Монтана (горы Апусени, Западные Румынские Карпаты) (Сапрыкина и др., 2017. С. 50–52); однако для серебра из Картавцево ситуация не вполне ясная. Пока можно лишь говорить о том, что практически все данные, полученные для серебра из состава клада с городища Картавцево, попадают в рудное поле Карпат, за исключением одной точки (верхняя), которая попадает в рудное поле серебряносодержащих месторождений Южной Турции (Малой Азии?).

Несмотря на то, что на данный момент объем проведенных исследований по изотопному составу (Pb–Pb) серебра, датированного VII в., крайне невелик, выделяется несколько основных регионов поступления металла на рассматриваемую территорию – это, прежде всего, Карпатские эпитегрмальные месторождения и золото-серебряные жильные месторождения, расположенные на территории современной Турции (Малой Азии?). Полученные данные по изотопному составу свинца в серебре проанализированных изделий свидетельствуют, прежде всего, в

пользу использования лома драгоценного металла, возможно, уже бывшего в переплавке до момента его попадания на территорию Окского бассейна.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов А.М., 2013. Культурно-хронологические горизонты памятников II–V веков на территории Окско-Донского водораздела. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». 173 с.

Воронцов А.М., 2016. Памятники мощинской культуры в третьей четверти I тыс. н.э. // Раннесредневековые древности лесной зоны Восточной Европы (V–VII вв.) / Ред. А. М. Обломский, И. В. Исланова. М.: ИА РАН. С. 221–260. (РСМ. Вып. 17).

Капитонов И.Н., Лохов К.И., Бережная Н.Г., Матуков Д.И., Боковенко Н.А., Зайцева Г.И., Хаврин С.В., Чугунов К.В., Скотт Е.М., 2007. Комплексные изотопные исследования бронзовых изделий скифской эпохи из различных памятников Центральной Азии // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН. С. 274–282.

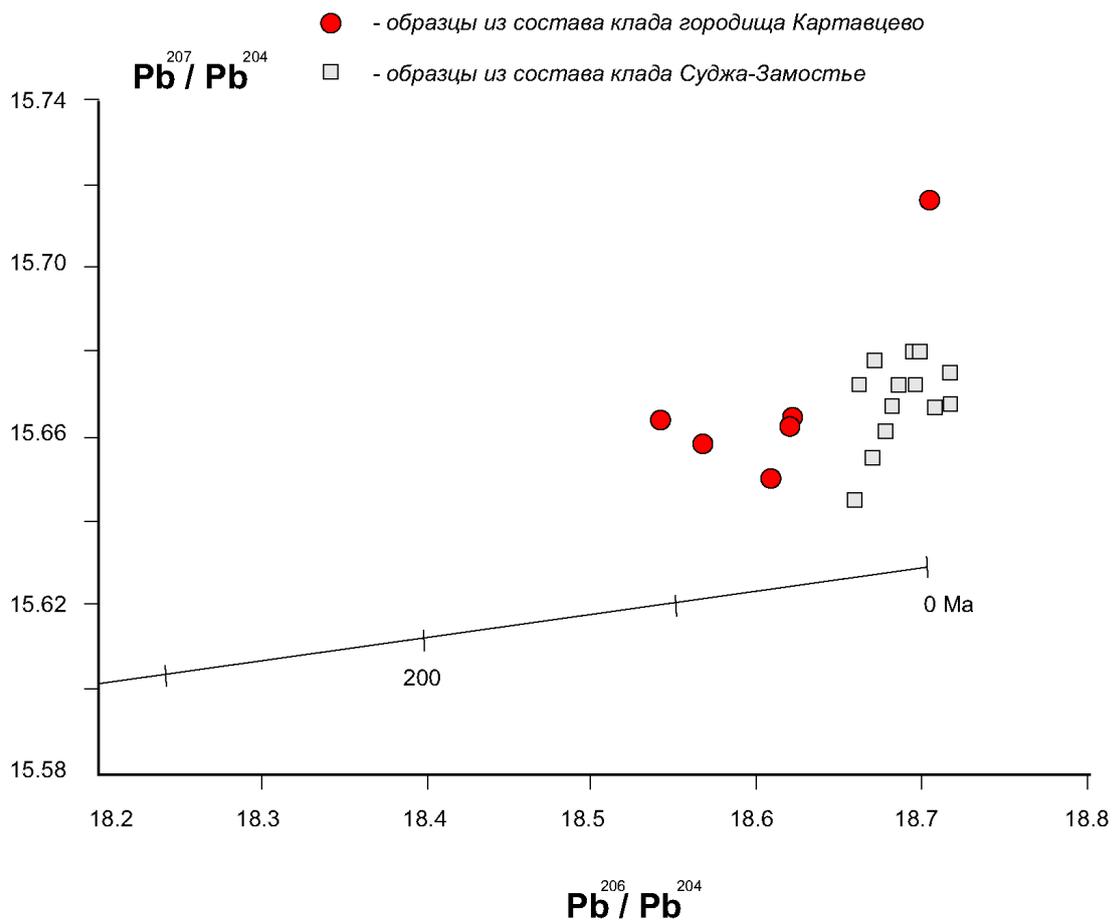
Сапрыкина И.А., Чугаев А.В., Пельгунова Л.А., Родинкова В.Е., Столярова Д.А., 2017. К проблеме источников поступления серебра на территорию Поднепровья в раннесредневековое время (по материалам клада из Суджи-Замостья) // *Stratum plus. Archaeology and Cultural Antropology.* «Производство, обмен, трансферт технологий по археологическим источникам». Vol. 5. С. 41–56.

Чугаев А.В., Чернышев И.В., 2012. Источники поступления серебра для изделий из погребений ранних кочевников Южного Приуралья по результатам изучения изотопного состава Pb высокоточным методом MC-ICP-MS // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III

вв. до н. э.). Т. 1 / Под ред. М.Ю. Трейстера и Л.Т. Яблонского. М.: ТАУС. С. 239–246.

Baron S., Tămaş C. G., Cauuet B., Munoz M., 2011. Lead isotope analyses of gold-silver ores from Roşia Montană (Romania): a first step of a metal provenance study of Roman mining activity in Alburnus Maior (Roman Dacia) / *Journal of Archaeological Sciences* 38(5). P. 1090–1100.

Pernicka E., Nessel B., Mehofer M., Safta E., 2016. Lead Isotope Analyses of Metal Objects from the Apa Hoard and Other Early and Middle Bronze Age Items from Romania // *Archaeologica Austriaca* 100. P. 57–86.

Рис. 1. Pb-Pb диаграмма, на которой приведено сопоставление изотопного состава Pb в украшениях из клада с городища Картавеццево и в деталях поясного набора из состава клада Суджа-Замостье.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОКСКО-ДОНСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА В ПЕРВЫЕ ВЕКА Н. Э.

Окско-Донской водораздел представляет собой часть пограничной территории между лесной и лесостепной зонами. Изучение культурных процессов в данном регионе приобретает, таким образом, особое значение в контексте исследования этно- и межкультурного взаимодействия.

К рубежу эр (II в. до н. э. – I в. н. э.) на территории правобережья Верхней Оки культурная ситуация в корне меняется (Столяров, 2017а). В 2010-е годы здесь был выделен новый пласт древностей – памятники типа Упа 2 (от эпонимного поселения Упа 2 в черте г. Тула) (Столяров, 2012). Зоной наибольшей концентрации памятников является участок среднего течения р. Упа, т.н. Тульско-Крапивенский микрорегион (рис. 1). На данной территории сконцентрировано более половины всех известных поселений. Основные материалы этой группы датируются I в. до н. э. – I в. н. э. (Столяров, 2017б). Большинство памятников типа Упа 2 – селища, городища единичны, а могильники пока неизвестны. Хотя раскопками 2016–2017 гг. на поселении Упа 2 изучен ряд объектов, которые, предположительно, можно рассматривать как погребения (Воронцов, Столяров, 2017б). Это небольшие (до 40 см в диаметре и глубиной 30–40 см) ямки, в каждой из которых был помещен вверх дном горшок, иногда с фрагментами рыболовных грузил. Остатки костей в заполнении ям обнаружены не были. Являются ли эти объекты погребениями, предстоит выяснить последующими исследованиями. Также изучены наземные постройки столбовой конструкции размером от 6 до 24 кв. м.

Для памятников типа Упа 2 характерна лепная керамика, в тесте которой основным отощителем является примесь известняка. Часто,

вследствие выщелачивания известняка, поверхность черепков имеет пористую структуру. Горшки преимущественно профилированных округлобоких форм. Есть баночные сосуды с прямыми стенками без выделенного венчика и миски с прямыми, несколько расширяющимися кверху стенками. Сосуды орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями и защипами по срезу венчика и верху тулова. Керамический материал памятников типа Упа 2 имеет прямые аналогии в древностях последних веков до н. э. – первых веков н. э. типа среднего слоя Тушемли и верхнего слоя городища Полужье.

Среди находок следует отметить серповидные ножи, черешковые наконечники стрел различных типов, глиняные рыболовные грузила и пряслица, умбовидные подвески (Воронцов и др., 2018) и «грузики», как в дьяковской культуре. Проблема происхождения памятников типа Упа 2 остается дискуссионной.

Внутренняя хронология памятников на данном этапе исследований не разработана. В этом контексте следует отметить комплекс грубой лепной керамики из подстилающего по отношению к памятникам Упа 2 слоя на городище у д. Малая Стрекаловка под г. Тулой (Воронцов, Столяров, 2017а). Керамика представлена фрагментами лепных сосудов округлобоких форм. Главные ее отличия от керамики типа Упа 2 – примесь кристаллической дресвы, иногда крупной, и песка, отчего поверхность сосудов шершавая. Орнаментация пальцевыми вдавлениями отмечена только по срезу венчика и отсутствует на плечиках сосуда. Возможно, это ранняя стадия развития керамического комплекса памятников типа Упа 2.

В начале I тыс. н. э. на территории Окско-Донского водораздела происходит резкая смена культур. Существующие на рубеже эр памятники типа Упа 2 во II в. сменяют памятники типа Ново-Клеймёново. Долгое время процесс смены культур не находил отражения в археологическом материале. В последние годы был открыт ряд городищ (Малая Стрекаловка,

Страхово 2 и Слобода) с горизонтом I в., который маркирует эти культурные изменения (Воронцов и др., 2019). Городища имеют значительно большие размеры и сложную систему фортификации в отличие от городищ типа Упа 2. На них хорошо сохранился слой, чрезвычайно богатый находками. С этим горизонтом связаны многочисленные предметы вооружения, зафиксированы следы пожаров (Воронцов, Столяров, 2019). Среди находок следует отметить наконечники стрел: черешковых трехлопастных, черешковых двушипных с раскованным в виде отвертки концом черешком, втульчатых двушипных. Данные типы стрел датируются в рамках I в. и составляют один колчаный набор в ранних погребениях Андреевского кургана. Также известна находка железной проволочной одночленной подвязной фибулы и двух псалий. Все предметы вооружения и конского снаряжения характерны для сарматских археологических культур рубежа эр. С вышеперечисленных памятников также происходят многочисленные находки украшений, выполненных в технике воскового вязания. На городище Страхово 2 в заполнении постройки, сгоревшей в результате пожара и датированной I в., найдены стеклянные бусы и бисер. Это первая находка бус указанного времени на памятниках лесной зоны Европейской части России, известная автору.

Полученные за последние годы материалы позволяют говорить о значительных изменениях, происходящих в I в. на Окско-Донском водоразделе. Они являются частью глобальной серии событий, связанных с «поздескифской» экспансией в лесную зону, происходившей с участием сарматских группировок (Воронцов, Столяров, 2019. С. 71). Подобная ситуация прослеживается на территории Верхнего Поочья, на правом берегу Волги и на территории Окско-Сурского междуречья. Именно с этими событиями I в. и связан финал существования памятников типа Упа 2.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2017а. Работы на многослойном городище у д. Малая Стрекаловка // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 178–179.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2017б. Раскопки поселения Упа 2 в черте г. Тулы // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2016. Липецк, Воронеж: Новый взгляд. С. 180–181.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Бурцев И.Г., Петров Ю.Ю., 2018. Археологическая разведка в Щекинском районе // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2017. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 185–187.

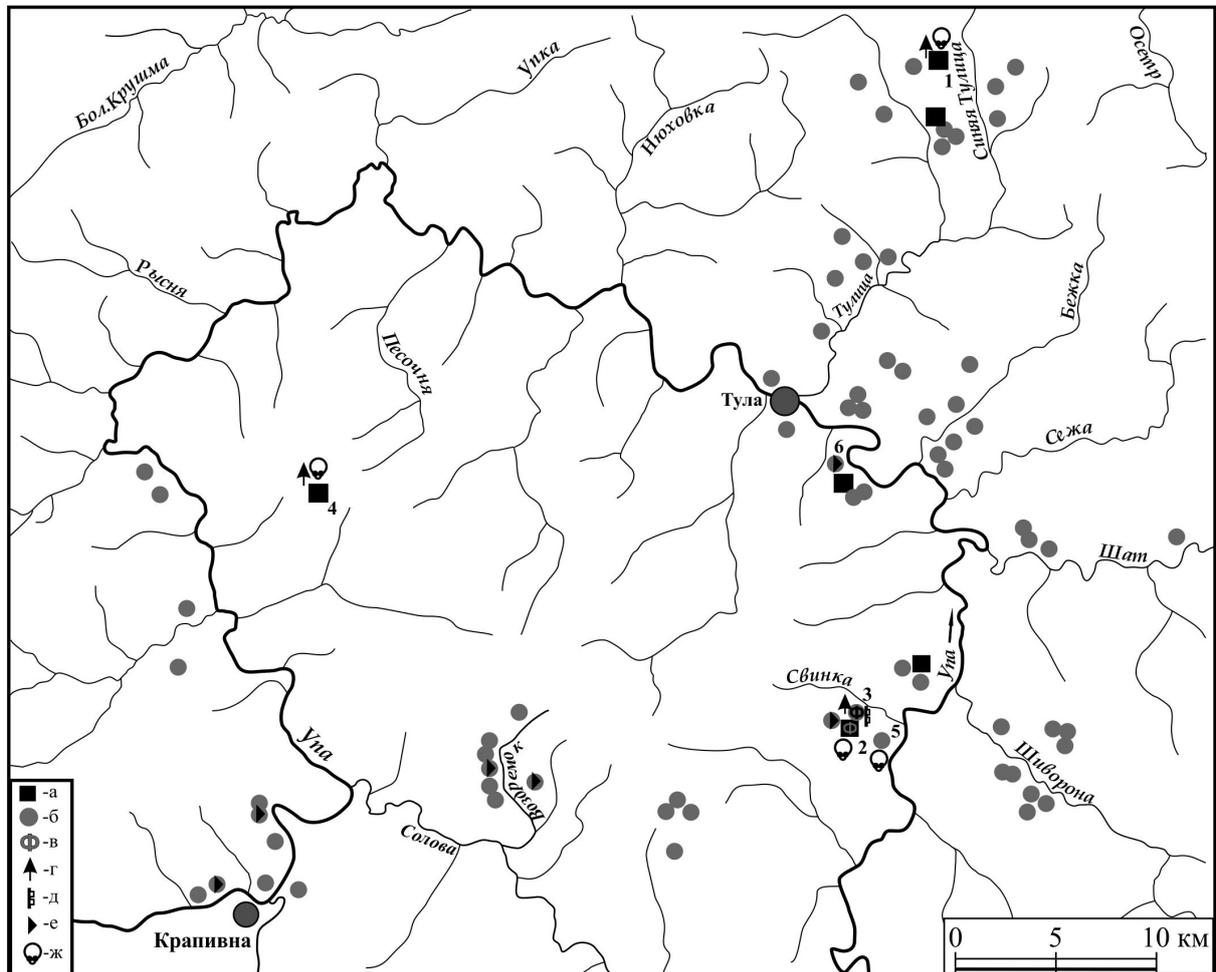
Воронцов А.М., Столяров Е.В., Столярова К.А., Петров Ю.Ю., 2019. Раскопки и разведка памятников первой половины I тыс. на территории Тульской области в 2018 г. // Археологические исследования в Центральном Черноземье 2018. Липецк, Воронеж: Полиграфическое издание «Новый взгляд». С. 224–226.

Воронцов А.М., Столяров Е.В., 2019. Война I века на границе лесной зоны: Окско-Донской водораздел // *Stratum plus*. Вып.4. С. 51–74.

Столяров Е.В., 2012. Памятники типа Упа 2 // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 3 / Ред. А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле». С. 79–118.

Столяров Е.В., 2017а. Этнокультурная ситуация на окско-донском водоразделе в эпоху раннего железного века // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / Отв. ред.: А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ. 1 эл. опт. диск (DVD-ROM). – ISBN 978-5-7904-2196-9. – № гос. регистрации 0321703484.

Столяров Е.В., 2017б. К хронологии памятников типа Упа 2 (рубеж эр) // Ранний железный век от рубежа эр до середины I тыс. н. э. Динамика освоения культурного пространства. СПб.: Скифия-Принт. С. 146–152.

Рис. 1. Памятники типа Упа 2 (Тульско-Крапивенский микрорегион)

1 – Страхово 2, 2 – Малая Стрекаловка, 3 – Малая Стрекаловка 5, 4 – Слобода, 5 – Большая Кожуховка, 2, 6 – Упа 2.

а – городище, б – селище, в – проволочная одночленная подвязная фибула, г – трехлопастной наконечник стрелы, д – стержневидный двухпательчатый псалий, е – ажурные умбоновидные подвески, нашивки, ж – сюльгамы андреевско-писеральского типа.

ДОЛИНА Р. ОКИ ОТ КОЛОМНЫ ДО СЕРПУХОВА В ЭПОХУ
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ: АРХЕОЛОГИЯ «НИЧЕЙНОЙ ЗЕМЛИ»

Интенсивное изучение памятников эпохи Великого переселения народов (ВПН) в последние десятилетия способствовало такому уровню накопления данных, при котором стало возможно выделение сравнительно небольших этнографических групп (локальных вариантов культур), участвовавших в бурных событиях той эпохи. Эта тенденция не обошла и периферийные территории, которые ранее, в силу различных обстоятельств, выпадали из внимания археологии. Среднее течение р. Оки выше устья Москвы-реки является как раз такой территорией. Ее специфика заключается в том, что исследованные здесь памятники нельзя отнести ни к одной из известных археологических культур. Это пограничье мощинской, позднедьяковской и рязано-окской культуры, причем поперечник его составляет не менее 100 км.

Ключевыми в нашей работе являются два памятника – это поселения Щурово и Соколова Пустынь, как наиболее полно исследованные. Оба памятника неизбежно будут сопоставляться с расположенным между ними Ростиславлем. Вещевой комплекс Щурово как поселения, расположенного на вершине холма, впоследствии занятого могильниками, обладает следующими чертами:

1. Керамика характеризуется стандартным для эпохи ВПН сочетанием гладкостенной и лощеной профилированной посуды (Сыроватко, Жеребцова, 2018). Это обычные мощинские/позднедьяковские формы горшков с уступом на плечике при переходе к венчику. На всей площади около 4 тыс. кв. м. известен только один фрагмент сковородки и только один фрагмент цилиндроконической миски. Преобладающий рецепт теста глина+дресва (ГД).

2. В вещевом комплексе практически полностью отсутствуют предметы специфического позднедьяковского стиля. Неизвестны окские фибулы с кнопкой, но обнаружена серия «черняховских» фибул (три целых экземпляра и один обломок) IV в. и одна фибула типа Пильвины. Фибулы, видимо, очерчивают дату поселения IV–V вв. Радиоуглеродные даты курганов с кремациями, в основном приходящиеся на VI в., также могут рассматриваться в качестве предельной верхней хронологической границы для этой части поселения.

Поселение, вероятно, продолжало существовать в пойме р. Оки к северу от холма. Эта часть памятника исследована не так хорошо, но обозначить отличия от вещевого комплекса с холма можно:

1. Керамика характеризуется преобладанием шамотосодержащих рецептур в тесте. У горшком чаще встречается плавный изгиб при переходе от тулова к венчику, уступ на плечике не выражен.

2. Ряд находок – бутылочная подвеска, пластинчатое кресало с расширяющейся полосой, шляповидная подвеска, фрагменты шумящих украшений – указывают на более поздний возраст, чем находки с холма (или с «верхней» площадки). Вероятно, поселение в пойме соответствует курганам с кремациями третьей четверти I тыс. н. э.

На поселении Соколова Пустынь также есть материалы второй четверти I тыс. н. э. Так же, как и в Щурово, они расположены на максимально высокой точке рельефа и, так же, как и в Щурово, верхняя дата поселения в этой части памятника ограничена могильником с кремациями V в. (Потемкина и др., 2013. Рис. XVI-XVIII). Возраст этой части поселения определяется позднеантичной полихромной бусиной и двучленной прогнутой фибулой с узкой ножкой и сплошным приемником. Хотя на этом поселении также известен один обломок женской статуэтки позднедьяковского стиля, других предметов, характерных для слоя А Дьякова городища, здесь не встречено.

В наборе посуды очень широко представлены сковородки – они есть практически на всех ступенях надпойменной террасы. Тесто посуды изготовлено почти исключительно по рецепту глина+шамот (ГШ), редко встречается глина+дресва+шамот (ГДШ), и никогда – глина только с дресвой.

Состав находок обоих памятников обнаруживает некоторое сходство со многими синхронными археологическими культурами, но не обладает яркими признаками ни одной из них. Однако эти памятники нельзя объединить в одну группу – состав их керамических комплексов обнаруживает заметную разницу в технологии изготовления и даже в присутствии некоторых специфических форм (сковородок). Эта разница особенно усиливается, если дополнительно привлечь для сравнения материалы Ростиславля, расположенного между Щурово и Соколовой Пустыней: его керамический комплекс характеризуется применением шамотосодержащих рецептур теста, что сближает его с Соколовой Пустыней, и полное отсутствие сковородок, что сходно с Щурово. На нем обнаружена представительная серия окских фибул с кнопкой, в то время как в Щурово и Соколовой Пустыни не найдено ни одной. Вполне возможно, что это разнообразие объясняется влиянием на местное население разных групп мощинской культуры – «окско-донской» и «поугорской», выделенных А.В. Воронцовым (Воронцов, 2010).

Однако всех «странностей» рассматриваемой территории эта версия не объясняет. К тому же в V в. или несколько позднее возникают принципиально новые памятники – могильники, которые только усиливают картину разнообразия: в середине – второй половине I тыс. н. э. сосуществуют грунтовые могильники с кремациями (Соколова Пустынь 1), курганы с кремациями (Щурово), грунтовые безинвентарные ингумации (Лужки Д, Соколова Пустынь 2) (Археологическая карта России, 1997. С. 161–162).

Таким образом, археологическое изучение территории, находящейся в пограничье больших культурных массивов, выявило парадокс – поселения

и могильники не образуют «культурную чересполосицу» и не являются «усредненной производной» соседних культур. Это сложное сочетание разнообразных памятников, на которых, наряду с чертами, известными на соседних территориях, встречаются и уникальные сюжеты (правда, в основном касающиеся погребального обряда). Рассматриваемый участок р. Оки в качестве «территории непонятного» и «культурного микса» существует длительное время, несмотря на смену таких разных эпох, как ВПН и эпоха викингов (или даже позднее), и остается совершенно непонятным, в силу каких причин это разнообразие сохраняется так долго, проявив себя даже в домонгольское время (Сыроватко и др, 2019).

ЛИТЕРАТУРА

- Археологическая карта России*. Московская область, 1997. Часть 4. М.
- Воронцов А.М., 2010*. Горизонт черняховского влияния на памятниках мощинской культуры // Черняхівська культура. Актуальні проблеми досліджень. (до 40-річчя археологічної експедиції НПУ ім. М. П. Драгоманова) 15-17 жовтня 2010 р.: Збірка тез доповідей на конференції. К.: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова. С. 24–28, 98.
- Потемкина О.Ю., Сыроватко А.С., Клещенко Е.А., 2013*. Соколова Пустынь – новый погребальный памятник позднедьяковского времени // КСИА. Вып. 230. М. С. 260–266.
- Сыроватко А.С., Жеребцова Н.С., 2018*. Распределение позднедьяковской керамики разных технологических схем в комплексах Щуровского селища и могильника: новые данные // Тверской археологический сборник. Вып. 11 / Под ред. И.Н. Черных. Тверь: ООО «Издательство «Триада». С. 407–413.
- Сыроватко А.С., Свиркина Н.Г., Клещенко Е.А., 2019*. Биритуальность в погребальном обряде «вятичей»: парадоксы могильника Кременье // РА. № 4. С. 86–101.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГИМ – Государственный исторический музей.
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
- Известия ВГПУ – Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград.
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. М. – Тюмень – Нижневартовск.
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МАО – Московское археологическое общество.
- МАР – Материалы по археологии России.
- РА – Российская археология. М.
- РАЭ ГИМ – Рязанская археологическая экспедиция Государственного исторического музея.
- РСМ – Раннеславянский мир. М.
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников. М.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь.
- Тр. ГИМ – Труды Государственного исторического музея. М.
- Тр. МНИИЯЛИЭ – Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, истории, литературы и этнографии. Саранск.
- ШРКМА – Шиловский районный краеведческий музей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асташова Наталья Ивановна, Исторический Музей, Москва

Ахмедов Илья Рафаэлевич, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Биркина Наталья Аленсандровна, Исторический Музей, Москва

Воронцов Алексей Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Гаврилов Александр Петрович, Шиловский районный краеведческий музей, Шилово

Грибов Николай Николаевич, Институт археологии РАН, Москва

Иванова Наталья Валентиновна, Нижегородский государственный университет им. К. Минина, Нижний Новгород

Конов Василий Дмитриевич, ООО «Научно-производственный центр «Рязанская археологическая экспедиция», Рязань

Зеленцова Ольга Викторовна, Институт археологии РАН, Москва

Колоколов Александр Михайлович, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Кренке Николай Александрович, Институт археологии РАН, Москва

Мошинский Александр Пинкусович, Исторический Музей, Москва

Обломский Андрей Михайлович, Институт археологии РАН, Москва

Пельгунова Любовь Андреевна, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН, Москва

Румянцева Ольга Сергеевна, Институт археологии РАН, Москва

Сапрыкина Ирина Анатольевна, Институт археологии РАН, Москва

Столяров Евгений Васильевич, Государственный музей-заповедник «Куликово поле», Тула

Сыроватко, Александр Сергеевич, МБУ «Коломенский археологический центр», Коломна

Трифанов Александр Андреевич, Компания «ОПТЭК», Москва

Чугаев Андрей Владимирович, Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН

**Археология Волго-Окского региона.
ГИМ.**

Редакторы: Н.А. Биркина, М.Ю. Биркин, Г.А. Камелина, А.А. Кадиева.
Верстка: Н.А. Биркина

Москва
2020

